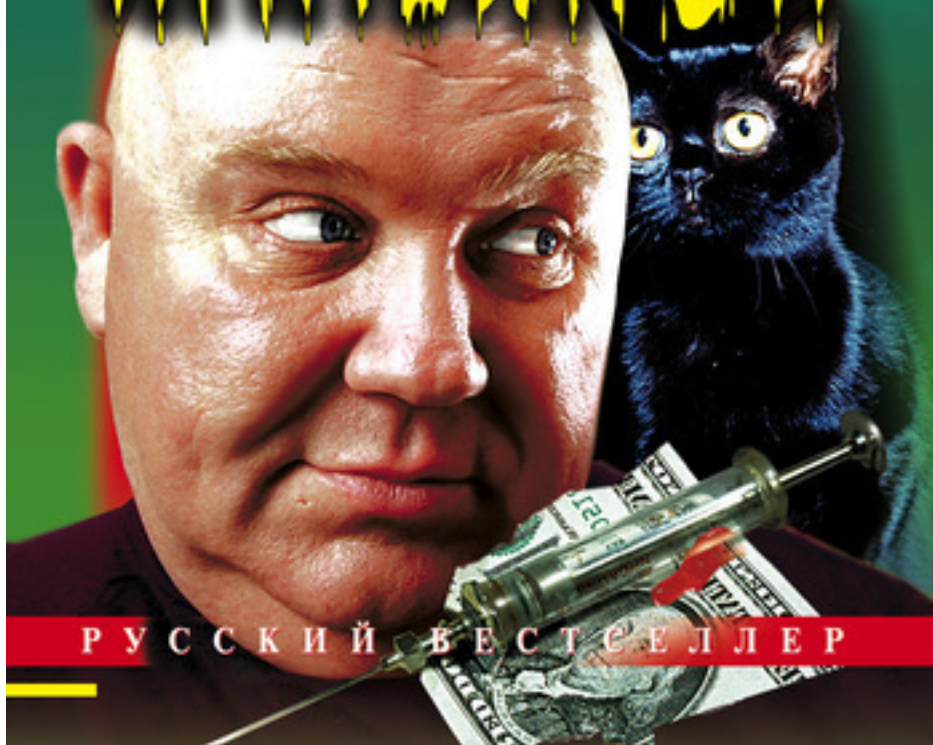

Михаил
НЕСТЕРОВ

Жмурки с
МАНЬЯКОМ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Михаил Нестеров
Жмурки с маньяком

«ЭКСМО»

1997

Нестеров М. П.

Жмурки с маньяком / М. П. Нестеров — «Эксмо», 1997

«...Малыш успел подумать: будь у него нос чуточку подлиннее, Хейфец снес бы его напрочь – каблук просвистел в миллиметре от его пипки. Детектив держал пистолет в левой, «рабочей» руке, и в момент неожиданной атаки противника совершенно забыл про него, как если бы стоял на ринге. Вернее, сработал мозг, отключая себя и переводя Валентина в режим автопилота. Поэтому ему пришлось пустить в ход не очень удобную правую руку. Он нанес два быстрых прямых удара в переносицу Хейфеца, выигрывая время, пока тот не обрел полного равновесия после эффектного приема. Удары получились несильными, но Карл резко рухнул на пол...»

© Нестеров М. П., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Михаил Нестеров

ЖМУРКИ С МАНЬЯКОМ

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Имена, события и диалоги (за исключением цитат) не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как проявление враждебного отношения автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Часть I

ПАВЕЛ МЕЛЬНИК

Глава 1

Он примерял уже третий галстук. Опять не то. Мельник придирчиво осмотрел себя в зеркале, повязав четвертый, мягких зеленоватых тонов. Перевел взгляд на цветную фотографию Ирины: глаза бывшей жены смотрят на него слегка иронично, но в глубине – грусть... Ее глаза смотрят так уже пятый год. Красивые, зеленые, обрамленные светлыми ресницами.

Павел выбрал именно этот снимок, чтобы поместить его в рамку и поставить на рабочем столе. Ирина не признавала макияжа, на ее щеках играл естественный румянец, светлые ресницы только подчеркивали глубину ее глаз, от нее исходила свежесть.

Та весна, когда он сделал этот снимок, стала последней в их совместной жизни.

Сейчас Ирина носит короткую стрижку, осветляет волосы, а раньше они у нее были длинные, рыжеватые. За пять лет она нисколько не изменилась: та же потрясающая фигура, прежний уверенный взгляд и... прежняя фамилия – Голубева. Она не захотела оставаться Ириной Мельник.

Остановившись на галстук зеленоватых тонов, Мельник стал искать предлог, чтобы повидаться с бывшей женой. Думал он недолго, вышел из дома и направился на автостоянку.

На 2-й Садовой он купил с лотка красивую чайную розу. Через пару кварталов остановил свою «Ниву» напротив типографии «Альфа-Графикс». Рядом с парадным двухэтажного здания – щиток с рекламой: «Печати, штампы, визитные карточки, буклеты, типографские работы».

Миновав первый этаж, где у мониторов корпели верстальщики, Мельник на лестнице буквально столкнулся с Ириной. – Это мне? – Она взяла розу. – Прекрасный аромат... Спасибо. Я только пятнадцать минут назад мечтала о цветке. Ты удивительный человек, Паша, всегда знаешь, что именно нужно женщине.

Мельник улыбнулся.

– Да. Двадцать минут назад тебе была нужна роза, а сейчас ты хочешь, чтобы я убрался ко всем чертям.

Ирина не ответила.

– Много работы? – спросил Павел, окидывая глазами типографию. Он немного завидовал и бывшей жене, владелице частного предприятия «Альфа-Графикс», и молодым парням, работающим у мониторов.

- Увы, – вздохнула Ирина. – Рада бы поболтать, но... Так что выкладывай, что там у тебя.
- Сделаешь сотню визиток?
- Две сотни, – тоном, не требующим возражения, заявила она.
- Выжимаешь?
- А куда деваться?..
- Оформи поостроже, но не слишком мрачно, – попросил Павел. – Без всяких там траурных лент по краям.
- Хорошо. Я сделаю пышный венок по центру, – пообещала она.
- Мельник погрозил пальцем.
- Только попробуй! Вернешь деньги назад и возместишь моральный ущерб.
- Вот за это я готова на все. – Она грустно улыбнулась и пристально посмотрела на Павла. – Тебе больше ничего не нужно?
- В смысле?
- Ладно... – Теперь улыбка Ирины стала ироничной. – Считаю, я ничего не спрашивала. – Она подставила щеку, и Павел, прощаясь, поцеловал ее.
- Вечером увидимся? – спросил он безо всякой надежды.
- Она покачала головой.
- Нет. Но я рада была видеть тебя. Честно. Спасибо, что зашел, Паша.
- Вечером, уже в начале седьмого, он не застал Ирину в типографии. Его окликнул бородастый паренек, подметавший пол:
- Павел Мельник?
- Он самый, – отозвался Мельник, подходя к уборщику.
- Я узнал вас, много раз видел по телевизору. Меня зовут Сергей.
- Очень приятно. Я, как всегда, опоздал. – Павел заглянул в приоткрытую дверь кабинета Ирины. Офисное кресло пустовало, верхний свет погашен.
- Да, Ирина Владимировна ушла пятнадцать минут назад. Она просила кое-что передать вам. – Парень зашел в ее кабинет и вынес маленькую картонную коробочку.
- Спасибо. – Мельник взял коробку из рук Сергея и повернулся, чтобы уйти.
- Одну минуту, – остановил его уборщик. – Ирина Владимировна попросила, чтобы вы просмотрели при мне. Она сказала, что если вам не понравится, оставить заказ на ее столе.
- В коробке в две стопы были уложены красивые визитки. Очень красивые. Крупные, ядовито-желтые буквы буквально орали: ПАВЕЛ МЕЛЬНИК. РЕПОРТЕР И ХВАСТУН. А в центре – букет алых роз.
- Я убью ее!.. – прошептал Павел и неожиданно рассмеялся.
- Так вы довольны заказом? – спросил парень. – Что передать Ирине Владимировне?
- Вот так и передай: заказом доволен.
- Мельник сунул коробку под мышку и спустился вниз.
- Другую, меньшую половину первого этажа занимал частнопрактикующий врач, о чем гласила табличка, расположенная рядом с дверью: ВРАЧ АЛБЕРТ ЛИ. ПРИЕМ 18.00 – 21.30.
- Да, доктор Ли явно не обременяет себя работой, – проговорил журналист. Он все еще не оправился от проделки своей бывшей супруги.
- Ты тоже так считаешь?
- От неожиданности Мельник вздрогнул. В проеме парадной двери стоял человек среднего роста, одетый в дорогой костюм и модные туфли. Журналисту не понадобилось всматриваться в лицо мужчины, несколько раз он брал у него интервью и узнал его по голосу. Это был начальник городского УВД Виктор Березин.
- Ты тоже так считаешь? – повторил Березин, тяжело преодолевая четыре ступеньки лестницы. – Как поживает пресса? – осведомился он.

– Добрый вечер, Виктор Сергеевич. – Мельник пожал полковнику руку – сильную и слегка влажную. – А дела неплохо.

– Ну, я-то ладно, старый, – с лица начальника милиции не сходила плутовская улыбка, – а вот как тебя-то угораздило в нашу компанию? Ведь тебе еще и сорока нет! Тебя кто порекомендовал Ли? Аничков, наверное, или Третьяков?

Борис Аничков был мэром города, Анатолий Третьяков – областным судьей. Мельник едва сдержался, чтобы не присвистнуть. «Ого! Вот это шишки! И принимает их частнопрактикующий врач почти в пригороде Климова. Сказать, что я был не на приеме, а в типографии?»

– Знаете, Виктор Сергеевич, – извиняющимся голосом произнес он, – мне неудобно говорить об этом.

Березин рассмеялся.

– Ты думаешь, мне удобно?.. – На глазах шестидесятидвухлетнего полковника, вот уже седьмой год возглавляющего ГУВД, проступили слезы. Сейчас он смотрел на журналиста с долей искреннего умиления. Он промокнул глаза носовым платком и покачал головой. – Но все это позади... Ты как чувствуешь себя после аспирина?

Мельник ответил дипломатично. И главное – сразу.

– Не так чтобы очень, но...

– Даже так? – удивился Березин. – А сколько сеансов ты принял?

Золотая середина экспериментов – тройка.

– Три, – сказал Павел, открыто глядя в серые глаза полковника милиции.

– Ну а я, наверное, пятнадцать, – с видом ветерана сообщил неожиданный собеседник. – Необыкновенный подъем сил. Ну, будь здоров.

Полковник шагнул к двери кабинета врача. Мельник посчитал за лучшее побыстрее спуститься по лестнице.

«Как я чувствую себя после аспирина? – спросил себя журналист. – Да как обычно, черт возьми! А вот как вы чувствуете себя, господа мэры, судьи и прочее?»

Он сел в машину и снова открыл коробку. Глаза просто отказывались верить: неужели шутка может быть такой большой? Он взял верхние визитки и улыбнулся: карточек с сюрпризом было всего две. Но главный сюрприз – это неожиданная встреча с Виктором Березиным. Мельник и предположить не мог, сколько несчастий она ему принесет.

Он завел двигатель и развернул «Ниву», решив нанести еще один визит.

Белла Азарова – 32-летняя целительница и экстрасенс – человек в Климове весьма известный и занятой. С недавнего времени она обзавелась секретарем, которая принимала от пациентов чеки и наличные, систематизировала прием пациентов, заносила данные об изменениях в самочувствии в компьютер. Белла – сильный гипнотизер, в начале своей врачебной практики она принимала пациентов группами, за считанные секунды погружала их в сон и снимала тягу к курению и алкоголю. Но вскоре она почувствовала необходимость индивидуального подхода. С опытом к ней пришел еще один дар, ее руки начали источать мощное биополе. На лечебных сеансах она уже закрывала глаза, исследуя пациента руками. Белла с высочайшей точностью ставила диагноз о состоянии ауры больного, отмечала ее смещение либо разрыв в той или иной части. Вскоре диагностика стала ее основным занятием, и все реже она проводила лечебные сеансы.

Ее кабинет находился на Садовом бульваре, одной из центральных улиц Климова. Не было, наверное, журналиста в городе, который бы не брал интервью у Беллы Азаровой. Она никогда не отказывала, ведь это было ей на руку: о ней пишут, ею интересуются. Это реклама.

Когда Мельник впервые переступил порог ее кабинета, Белла, бегло оглядев его, сказала: «Брось курить, парень. На периферии твоего правого легкого возможность возникновения раковой опухоли». Павел бросил курить через неделю.

Сейчас часы показывали начало восьмого вечера, к этому времени секретарь Беллы ушла, и она принимала журналиста в приемной.

– У тебя возбужденный вид, – сообщила целительница, оглядывая гостя. – А в легких набухают почки.

Журналист попытался улыбнуться.

– Что у меня набухает в легких? Почки?

Белла подтвердила. Мельник изобразил на лице недоверие.

– Шутишь... Ни разу не слышал, чтобы почки находились в легких.

– Ты стал тяжелым на подъем человеком, Паша.

– Ты это серьезно?

– Абсолютно. Где твоя легкость мышления и тонкое чувство юмора, которыми сквозят твои репортажи? Проснись, твой главный пик еще не покорен.

– О каком пике ты говоришь? – иронично полюбопытствовал Мельник.

– Ладно, не будем об этом, – вздохнула она. – О покорении своего пика ты сам мне расскажешь. А под почками я подразумевала обыкновенное весеннее цветение. На улице весна, и ты набухаешь так же, как ветка дерева, – во всяком случае, я так вижу, – ты цветешь, и я делаю вывод, что сегодня ты встретил красивую женщину. Попробуй опровергнуть мои слова.

– Не собираюсь этого делать, – ответил журналист, успокоившись. – Ты права... Между прочим, я сам сегодня выступал в роли ясновидца.

– И как прошел твой дебют?

– Не на «ура». Меня обозвали хвостуном.

– Она правильно сделала, – резюмировала Белла, акцентируя первое слово.

Мельник подтвердил ее догадку, кивая головой.

– Вы, кстати, с ней чем-то похожи, – сказал он. – Наверное, манерой разговаривать.

– Я наперед знаю, что ты хочешь мне сказать. Для меня ты не мужчина – в биологическом смысле. Ты – объект. На тебе горят габаритные огни, тебя вовремя обходят и объезжают, и это на пользу не только тебе. Не рушь своего монументального образа, потому что он принадлежит – опять-таки – не только тебе. Сеанс окончен, – подытожила целительница. – Думаю, что сумела вылечить тебя. Подбросишь меня до дома?

– Как насчет чашки кофе?

– Кофе пьют по утрам.

– Я это и имел в виду.

– Ты хам, Паша. Но я тебя прощаю. Так подбросишь?

– В обмен на небольшую консультацию.

– Согласна. Подожди меня, я переоденусь.

Направляясь к южной окраине города, где Белла Азарова отстроила себе двухэтажный коттедж, Павел повел разговор об Алберте Ли.

– Алберт Ли? – переспросила она. – Несколько раз слышала, пару раз видела. В наш город приехал из Москвы. Имеет свою практику.

– Он сильный экстрасенс?

– В отличие от некоторых, я не имею привычки сравнивать людей, близких моей профессии.

– Почему? – Мельник на секунду оторвал взгляд от дороги и посмотрел на Беллу.

– Смотри на дорогу, – попросила она и ответила на его вопрос: – Потому что первый шаг пойдет от меня же самой. Я либо преувеличу свой талант, преуменьшив чей-то, либо наоборот. Понимаешь? Это скорее твое дело – наблюдать, изучать, сравнивать.

– Так ты не знаешь методов работы Ли?

– Гипноз, иглоукалывание. Но в основном мануальная терапия: банки, массаж.

– Но его методы лечения эффективны или нет?

– Не знаю.

Мельник покачал головой.

– Но хоть что-то о нем говорят в ваших кругах?

– Мой круг – это я и мои пациенты.

– В таком случае откуда ты вообще узнала о Ли?

– От пациентов.

– И что они говорили?

– Не помню.

– Как насчет утреннего кофе?

– Перебьешься.

Возле дома Белла дала Мельнику адрес хиропрактора Зиновия Шмеля.

Зиновий Шмель – 49 лет, ниже среднего роста, с бычьей шеей и могучими руками гориллы. Он долго и тяжело дышал, выслушав вопрос журналиста. Сам Павел объяснил свой утренний визит так: он пишет статью о всех ведущих экстрасенсах и целителях города. В статье он отразит...

Шмель плохо слушал, долгим взглядом он окидывал жилистую фигуру репортера, думая, почему тот пришел не с жалобой на позвоночник. Он бы скрутил сейчас посетителя, перебрал могучими руками все позвонки – и вылечил, заработав при этом денег. Пусть даже журналист здоровый!

Как и Белла, Шмель повторил за Павлом вопрос:

– Алберт Ли? Целитель? А кто же я, по-вашему?

Репортер пожал плечами.

– Я понимаю вас, – отозвался Шмель. – Вот из-за таких «целителей» и меркнут имена настоящих кудесников медицины. Вы спросили меня, кто такой Ли. Я вам отвечу так: много еще на свете проходимцев, прикрывающихся какими-то там разработками и учеными степенями. Вы думаете, что Зиновий Шмель не наводил о нем справок? Напрасно. Конечно же, личность Ли ничтожна, чтобы загородить свет, идущий от настоящих целителей. Но – подрывается вера и авторитет. Это печально. Я наводил о нем справки, – гордо повторил хиропрактор. – У меня огромные связи в управлении госбезопасности. Кое-кому там было жарко от моих рук! Я многих поставил на ноги.

Довольно бесцеремонно отослав в коридор вошедшего в кабинет пациента, Шмель продолжил:

– С одной стороны, хорошо, что Ли вообще существует, в своей статье вы сможете отделить белое от черного, провести резкую черту, за которой останется эта бездарность, о которой вы собираетесь писать. – Шмель ненадолго задумался. – Давайте сделаем вот что. Сейчас я проведу лечебный сеанс, и вы сможете воочию убедиться, кто и что Зиновий Шмель. После этого вы не захотите встречаться ни с одним целителем. Войдите! – громко крикнул он, повернув голову к двери.

Лет 50 мужчина, раздевшийся до пояса и снявший ботинки, был немедленно распластан на холодной кушетке. Он жаловался на поясничные боли.

– Болит вот здесь. – Он непостижимо вывернул руку, показывая область спины повыше копчика.

– Я вижу, – резко осадил его Шмель. – Болит у вас там, я знаю, но причина гораздо выше. Вот здесь.

Он внимательно разглядел позвоночник больного и надавил большим пальцем в середину спины. Пациент взвыл.

– Скоро я поставлю вас на ноги, – пообещал хиропрактор и вызвал ассистента – высокого и могучего парня.

Тот, не говоря ни слова, согнул больному ногу в колене и до хруста в суставах принялся выворачивать пальцы на ногах. А сам Шмель под невысказанным углом вывернул голову пациента и рывками тянул ее на себя.

Их действия были слаженными, они разгоряченно дышали в больную спину пациента. А тот, наверное, проклинал того человека, который посоветовал ему обратиться за помощью к Зиновию Шмелю.

Хирург сделал минутный перерыв, увлажнил руки кремом и начал массаж спины больного.

Через десять минут он попросил пациента подняться.

– Болит? – спросил его Шмель. И поторопил жестом руки. – Нагнитесь, нагнитесь.

Тот опасливо наклонил туловище, держа наготове руку – чтобы вцепиться в поясницу. Затем выпрямился и с удивленной улыбкой воззрился на целителя.

– Болит?

– Нет, – сказал тот и несмело добавил: – Доктор.

– Неделю принимайте горячие ванны и повремените с поднятием тяжестей. Десять-двенадцать килограмм – не больше. Покажетесь мне через десять дней.

– Спасибо, доктор.

– На здоровье. В приемной заплатите двести тысяч.

Мельник едва заметно качнул головой: расценки у Шмеля были весьма и весьма...

– Впечатляет, – сказал он покрасневшемуся хирургу.

Шмель многозначительно хмыкнул.

– А вы как думали? Только так – отдав больному часть своей энергии, и можно помочь ему. Я зарабатываю себе на хлеб тяжелым трудом. А теперь я спрошу у вас: вы будете писать о Ли или уже переменяли решение?

Журналист задумчиво теребил в руках авторучку.

– Знаете что, – наконец сказал он, – расскажите мне о Ли подробнее, о его методах лечения, что вам удалось узнать о нем. И я, возможно, откажусь от встречи с ним.

– Да пожалуйста! Начну с того, что Ли – темная личность.

Ирина Голубева только покачала головой, когда на следующее утро Павел преподнес ей букет из трех чайных роз.

– Ты не удивлял меня так даже пять лет назад, когда мы были вместе, – произнесла она. – Что с тобой, Паша?

– Сам не знаю, – честно признался Мельник, присаживаясь на мягкий стул в уютном офисе Ирины. – Ты же знаешь, что я скупой на подарки, а тут трачу последние деньги и покупаю тебе цветы.

Ирина грустно улыбнулась.

– Твоя непосредственность и прямолинейность всегда восхищали меня, и я никогда не обижалась.

– А сейчас? – Он неотрывно смотрел в ее зеленые глаза.

– Сейчас тем более. – Ирина поймала себя на мысли, что все больше смущается под взглядом Павла. Но она не должна показать этого. Женщина поднесла букет к лицу и вдохнула его аромат.

– Почему?

– Что почему? – переспросила она, глядя на Павла поверх цветов.

– Почему именно сейчас ты не обижаешься?

– Опять же по той причине, – ответила Ирина. – Ты знаешь слабые места женщин. Ты не просто подарил мне цветы, ты подарил их, потратив последние деньги. Последнему я мало верю, но все равно приятно.

– Другая бы на твоём месте обиделась, как если бы увидела на букете ценник.

– А другой ты бы этого не сказал. Другая бы только порадовалась, что ты тратишь на подарок последние деньги.

– Да, в чем-то, наверное, ты права.

– Я изучила тебя за два года совместной жизни и не верю, что, к примеру, на тебя действует приближение весны. Так что выкладывай, зачем пришел.

– Хочу устроиться к тебе на работу.

– Ты не подъезжай, Паша, говори прямо.

– Хочу устроиться к тебе на работу, – упрямо повторил он. – У тебя есть вакантная должность ночного сторожа?

Ирина медленно покачала головой. Букет по-прежнему у лица, ее зеленые глаза удивительно гармонируют с упругими лепестками чайных роз.

– А уборщиком-волонтером возьмешь?

Ирина положила цветы на стол и вздохнула:

– Почему бы тебе просто не сказать: «Ира, мне несколько ночей нужно провести в твоей типографии»?

– Одному.

– Это я уже поняла. Будешь следить за домом напротив?

– Буду, – пообещал Павел. – Если мы пришли к соглашению, то у меня еще одна просьба.

– Не много ли для первого раза?

– Не знаю, разберись с этим сама.

– Так что ты еще хочешь?

– Ты можешь изменить график работы Сергея?

– Какого Сергея?

– Уборщика, который передал мне визитки.

– А, Сережу Земскова... Он мой сосед. И как я должна изменить его график?

– Ну, чтобы он приходил не в шесть часов вечера, как обычно, а, скажем, в половине десятого?

Ирина довольно долго смотрела в синие глаза Павла. Прошло пять лет, как они расстались, а он нисколько не изменился: та же прическа – зачесанные назад длинные волосы, то же пристрастие к клетчатым пиджакам. Она склонила голову к плечу и слегка прищурилась. Может быть, он немного поправился. Хотя нет.

– Мне не нужно менять график Сергея. Он начинает уборку со второго этажа и заканчивает убираться там только к 10 – 11 часам вечера. Так что ты можешь спокойно наблюдать за кабинетом Алберта Ли с первого этажа. Тем более что это удобно.

Она рассмеялась, глядя в изумленное лицо Павла.

– Доктор работает только в те часы, которые тебя интересуют, – пояснила она. – Уж что-то, а расписание своего соседа я знаю очень хорошо.

– Хочешь, я возьму тебя в компанию? – спросил Павел.

Ирина долго молчала.

– Не хочу, – ответила она, поднимая на него глаза. – Я не хочу неприятностей. Ты не господь бог, а все время пытаешься ходить по поверхности воды. Я еще *тогда* устала от этого. Не надо, Паша, ты обречен на одиночество... Очень часто, когда ты неожиданно уходил среди ночи, я представляла тебя одиноким и испуганным. Кругом мрак, а ты тарачишь глаза, самоотверженно выискивая в темноте тени. И что удивительно, часто находил их.

– Прости... – Голос Павла прозвучал тихо, сдавленно.

– За что? – Ирина пожала плечами и посмотрела в сторону. – Ты ни в чем не виноват. Я развелась не с тобой, а со средствами массовой информации.

Павел видел, как задрожали ее ресницы, еще немного – и она заплачет.

– Ты дашь мне ключи?

– Сейчас принесу. – Ирина поспешно вышла из конторы.

Глава 2

Игорь Развеев набрал номер телефона, коротко спросил: «Есть?» – и, получив утвердительный ответ, положил трубку. Он облизнул пересохшие губы и посмотрел на приятеля. Леня Ложкин поправил сальную прядь волос, упавшую на глаза.

– Ну что? – спросил он и шмыгнул носом. Его ломало, третий день он не мог найти наркотик, чтобы снять ломку. Всю последнюю неделю он страдал запором, а сегодня его «прорвало», понос выкручивал кишки.

– Все то же, – ответил Игорь. – Только денег нет. Впору идти и грохать «ходоков».

– За пять-шесть грамм? – Ложкин покачал головой.

Он долго сидел в одном положении, глядя перед собой мутными глазами. Потом его взор начал проясняться. Он тронул приятеля за руку.

– Слышь, Развей, я сейчас вспомнил про одного гомика.

– Ну и что?

– Раскрутим его на пару «чеков». Может быть, и больше.

– Он должен тебе?

– Обязан. За молчание. Года три назад я «раскупорил» его. Ему лет четырнадцать было. – По лицу Ложкина пробежала глумливая улыбка.

Развеев ответил брезгливой усмешкой.

– И он не заявил на тебя? – спросил он.

– А кому охота учиться в школе и отзываться на педераста? – отозвался Ложкин. – Я все ему растолковал, что, мол, жизнь свою загубит. Малый сообразительный, я еще полгода долбил его. Плачет сука, трясется, но куда ему деваться?

– Ты знаешь его адрес?

– Конечно. По-моему, у меня где-то записан даже его телефон.

Ложкин полез в карман. Вынимая записную книжку, он обнаружил там стотысячную купюру. Молча воззрился на нее.

– Так чего же ты молчал?! – В голосе Развеева было больше радости, чем негодования.

– Сам не знаю... – Ложкин пожимал плечами и улыбался. – Забыл, наверное.

Ему полегчало только от вида денег. По телу прошла слабость, обильный пот проступил на холодном лбу, и снова резко скрутило живот.

– Вот видишь, как твой гомик помог! – радостно воскликнул Развей. – Айда на хату.

– Сейчас, – кивнул Ложкин, болезненно морщась. – Только в туалет схожу.

* * *

Вадим Барышников, не заглядывая в глазок, открыл дверь, кивнул приятелям: «Входите». Ложкин с Развеевым вошли в комнату, которая до отказа была забита радио- и видеоаппаратурой.

– Богато, – протянул Ложкин, оглядывая японскую технику.

Вадим усмехнулся. Не сегодня-завтра придется вывозить аппаратуру в ломбард. Денег за нее много не дадут, но хватит расплатиться с хозяином за наркотики и себе останется. Обычно за телевизор он выдавал «чек» героина на триста тысяч, за видеомagneтофон – на сто. Но ему эта практика уже надоела: ненужная суета, рисовки перед соседями. Его дело маленькое. С утра ему привозят несколько грамм героина, он расфасовывает его на «чеки» по сто, триста тысяч и отвечает на звонки. Вечером отдает деньги. Хватает и на жизнь, и на то, чтобы «вставить» себе и подруге.

Посмотрев на приятелей, он предложил:

- Может, поможете свезти это барахло в ломбард? За услугу выпишу лишний «чек».
- Посмотрим, – Развеев протянул ему деньги.

Вадим кивнул и скрылся на кухне. Пока он отсутствовал, Ложкин воровато оглянулся на дверь, положил в карман куртки видеоплейер с наушниками.

– Я вижу, вы согласны, – сказал Вадим, протягивая Развееву перетянутый резинкой полиэтиленовый пакетик с героином. Не скрывая насмешки, он многозначительно посмотрел на топорщившийся карман гостя.

Ложкин молча положил плейер на место.

– Мы двинемся у тебя? – спросил Развеев, подбрасывая на ладони легкую упаковку героина.

– Валяйте, – разрешил хозяин.

– «Баян» дашь?

Вадим достал из ящика одноразовый шприц и поманил приятелей на кухню. Все, что им было нужно, – это чайная ложка и вода, зажигалки постоянно были у обоих в кармане.

Ложкин снял резинку с пакованчика, но Вадим неожиданно остановил его.

– Погоди. Все равно на двоих мало. Есть новая «дурь», гораздо дешевле геры. Не хотите попробовать?

Ложкин неожиданно сорвался:

– Тебе легко туфту предлагать! Сам-то ты по самые жабры в героине.

Развеев остановил изливания товарища жестом руки.

– Химия? – спросил он Барышникова.

Хозяин покачал головой:

– Новый препарат, изготовлен на фармацевтической фабрике. По чистоте не уступает морфию.

– А хорошо вставляет-то? – нехотя поинтересовался Ложкин.

– Пятки будешь чесать через каблук, – доходчиво объяснил Барышников. Видя сомнения на лицах гостей, он добавил: – Да не бойтесь, препарат опробован, я уже месяц его толкаю. Никто пока копыта не отбросил.

– А-а... – Развеев прищурился на хозяина. – Не глюкозой ли называют эту пакость?

– Почему пакость? Ты пробовал?

– Нет, но кое-что слышал о ней. – Игорь толкнул приятеля локтем. – Ну что, Леня, испробуем?

– Мне ломку снять надо, а не пробовать! – Ложкин болезненно скривился. Он постоянно шмыгал носом, вытирал сопли, его верхняя губа покраснела. Ему было двадцать пять лет, он успел переболеть гепатитом В, сейчас в его крови металась антитела гепатита С. Он уже давно перестал «доить» родителей, в квартире пусто, все, что мог, продал. Леня сидел на «капитальных» наркотиках, год назад сам был на месте Барышникова. Брал на реализацию по десять грамм героина, восемь продавал, два оставлял себе. Но однажды не отдал денег в срок. Пришли два человека, сели напротив. Сейчас, говорят, ты должен две штуки «зелени», завтра – три, послезавтра – пять. Через неделю твой долг вырастет до стоимости твоей квартиры. Понял?

Да, он все понял. Поняли и родители. Наскребли по родственникам и знакомым три тысячи, и Леня Ложкин отдал долг.

Все еще сомневаясь, он вопросительно посмотрел на друга.

– Ну что, Развей, рискнем?

– Я от тебя ответа жду. – Игорь Развеев был постарше товарища и не таким «хлипким», ломку переносил стойко.

– Да не сомневайтесь, – продолжал уговаривать Барышников. Он решил использовать последнее средство. У него были полномочия от хозяина нового препарата относительно пробной дозы – к двум ампулам за деньги одна давалась бесплатно. С одной стороны, было риско-

ванно предлагать дополнительную ампулу с синими буквами на стекле. Глюкоза «вмазывала» хорошо и была намного дешевле героина. Очень скоро она станет самым популярным наркотиком и цены на нее резко возрастут. А пока страждущие, распробовав наркотик, могли засылать к продавцам третьих лиц, имея на этом лишнюю дозу. А вот ее-то как раз мог поиметь сам продавец наркотиков Вадим Барышников.

Но это только одна сторона дела. Другая – у Вадима с появлением нового наркотика стало два хозяина: один поставлял только глюкозу, второй, у которого за спиной два, три босса, давал на реализацию героин, анашу. Если последний узнает, что Вадим стал работать на двух хозяев, в лучшем случае он перестанет получать товар на реализацию. И другой вариант: Барышников забудет не только про героин, но и про пакованчики с маковой соломкой. Причем навсегда.

Но на продавца глюкозы работать было спокойнее, Вадим только месяц назад познакомился с ним, и вот новый наркотик уже начал завоевывать популярность, – тот же Развей слышал о нем.

Вадим достал из кухонного шкафа упаковку глюкозы и протянул три ампулы гостям.

– Одна призовая, – пояснил он.

– А почему не две? – живо отозвался Ложкин, поспешно, с жадностью наркомана забирая ампулы.

– К двум – одну, – снова растолковал Барышников. Все же ему пришлось сообщить условия продажи нового наркотика. Развеев прочитал надпись на ампуле и покачал головой:

– Первый раз вижу глюкозу в такой упаковке – всего два кубика. Обычно глюкоза идет в больших ампулах, по десять кубов.

Ложкин уже снял куртку, засучил рукав рубашки, продезинфицировал район локтевой вены слюной и ждал, когда Развеев закачает препарат в шприц. Вены на руке спрятались, почти не были видны, Ложкин пережал мышцу, сжимая и разжимая кулак.

Развей точным движением ввел иглу.

– Давай быстрее, – поторопил его Леня, – с ветерком.

В голове прокатилась волна долгожданного кайфа, Леня откинулся на спинку стула, прикрыл глаза. Через несколько секунд подрагивающими губами он произнес:

– Действительно, хочется почесать пятку...

– Ну а я что говорил? – Вадим хлопнул Ложкина по плечу и ответил на телефонный звонок:

– Кто это?.. Есть, – коротко сообщил он и повесил трубку.

Леня еще пару минут приходил в себя. Потом сделал укол товарищу.

Губы Развеева так же онемели на некоторое время. «Неплохая штучка, – подумал он. – «Въезжает» не хуже геры».

– Так не поможет с аппаратурой? – уже безо всякой надежды в голосе спросил Барышников.

– Извини, земляк, настроение уже другое. Ты когда закрываешь лавочку?

– Работаю круглосуточно, как всегда. Но прежде позвони.

– А у тебя еще есть глюкоза? – поинтересовался Ложкин. – Или последнюю отдал?

– Пока есть. Не будет – достанем. – И хвастливо добавил: – Вещь, которая вам понравилась, есть только у меня.

Приятели попрощались с хозяином и вышли из квартиры.

– Куда пойдём? – спросил Развеев.

– Помнишь, я говорил тебе про гомика? Идем к нему.

Он всегда помнил ту мразь, которая изнасиловала его в четырнадцать лет и под угрозой все рассказать его родственникам и одноклассникам на протяжении еще полугода продолжала измываться над ним. С тех пор прошло три года; как ни странно, но он стал прощать своего

тягостного партнера, однако помнил боль, унижение и до сей поры бледнел при воспоминании об извращениях, которым он подвергся.

Воспоминания эти крепко жили в нем, и он боялся за девушку, которую полюбил, – ему казалось, что он вдруг сделает ей больно, сорвется и вместо ласковых слов обрушит на нее поток сквернословия, до крови будет рвать ее тело.

Нет, лучше об этом не думать.

Он вспомнил свой первый опыт с девчонкой: та же боязнь непонимания, страх. Но ничего этого не произошло, слово «бисексуал», которое долго терзало его, растаяло вместе с запахом женщины при первой близости.

Но он все еще страшился того, что вдруг повстречает *его* – на улице, в баре, клубе. Как он поведет себя? Ответит на пренебрежительное приветствие, опустит глаза и, может быть, примет приглашение провести вечер вдвоем?

И это произойдет где-нибудь в темном подъезде или за гаражами. И он не будет противиться, пойдет за ним. Почему? Ответить на этот вопрос ему было очень сложно. Тот человек обладал какой-то, может быть, первичной властью над ним. Да, да, именно первичной, перво-родной, что ли. И она была способна лишить его сил, которые помогли бы ему отказаться от грубого совокупления.

Он понимал, что новой встречи скорее всего не будет, но он подвергся насилию в момент полового созревания, когда природа держала наготове клише... И он влез в него, и оказался изодранным и психологически сломленным.

И напрасными были аутотренинги, когда он, закрывая глаза, тихо шептал: «Я сильный... Я смогу отказаться...»

Одно время, еще до первой близости с женщиной, он пытался сравнить себя со слабым полом – глупо, смешно, стыдно перед самим собой, однако, как и большинство женщин, он не выносил сквернословия и любил порядок в своем доме.

Значит, сходства были, они не давали ему покоя, постоянно твердили о его ненормальности, двоякой ориентации.

Он постарался забыть все грубые слова, которые знал, но одно – мразь – очень часто срывалось с его губ. Он называл мразью того, кто изнасиловал его, и себя – за слабование, женственность.

И он все же увидел его. Но не в баре или клубе, как ему представлялось, а на пороге своей квартиры.

Стас отпрянул от двери, когда увидел перед собой Леню Ложкина.

– Ты один дома? – спросил Ложкин, слегка покачиваясь. Он выпустил струю дыма в лицо парня. – Оглох, тварь?! Я тебя спрашиваю!

– Я?.. Нет... То есть да. Проходи. Проходите, – быстро добавил он, только сейчас обратив внимание на спутника Лени.

Ложкин грубо ткнул пальцем в грудь Стаса.

– Это о нем я тебе говорил, – сказал он Развееву, не спуская глаз с хозяина квартиры. – Ну, чего ты задрожал, лапа? Иди опростайся. – Он похлопал его по щеке, больно ущипнул.

Стас задрожал. Он готов был опуститься на колени перед своим бывшим партнером, просить его не делать этого, *отпустить*. Просить прощения – за все и ни за что. На его глаза навернулись слезы.

– Леня, – прошептал он. – Я тебя очень прошу...

– Что?! – Ложкин приблизил к нему свое лицо. – Чего ты просишь, коза? Ты думаешь, я пришел в гости к твоей заднице? А ну, пошел в комнату! – Наркоман схватил Стаса за волосы, развернул его и сильно толкнул в спину.

Борьба для Стаса закончилась, не начавшись. В его маленькой жизни, начальную пору которой осквернил извращенец и садист, была только одна победа. Да, победа, иначе не появи-

лась бы однажды в его квартире женщина. Но перед этим были шесть месяцев боли, унижения, сознания неполноценности. Потом год одиночества. Время от времени Стасу хотелось наложить на себя руки.

Однажды во сне он явственно слышал чей-то тревожный голос: «На горе Синай явился Господь Моисею и вручил ему две каменные скрижали с высеченными на них десятью заповедями». И Стас увидел скрижали, но не нашел в них заповедей. Только два слова: «ты» и «не-ты».

Он испугался собственного сна, хотя причин для беспокойства не было. Он верил снам. В тринадцать лет во сне кто-то с кровью остриг его ногти – утром в больнице умер его отец.

От сильного толчка Стас упал. Но не решался встать. Он стоял на коленях. Глаза просили: «Пожалуйста, Леня...»

Именно эти слезливые глаза вывели Ложкина из себя. Он нагнулся над парнем, двумя пальцами сильно ударил его в глаза. Пальцы по первые фаланги ушли под веки, стали мокрыми. Леня брезгливо вытер их о куртку и встал.

– Вот тварь! – Он показал пальцы приятелю. – Посмотри на него – зенки на месте, не выбил. Не хочешь попробовать эту сучку?

Игорь покачал головой.

– Мы пришли сюда за деньгами.

Ложкин снова склонился над парнем.

– У тебя есть деньги? Тебя спрашивают!

Стас почти ничего не слышал. От удара в глаза голова закружилась, уши заложило.

Ложкин ударил его еще раз. Потом добавил открытыми ладонями по ушам. Стас повалился на пол.

Леня перешагнул через него, несколько раз прошелся по комнате, остановился возле книжного шкафа. Одну за другой стал бросать книги на пол.

– А ты хорошо живешь, много книг. А какая техника!..

Он сбросил на пол видеомэгнитофон, пнул ботинком в динамик колонку, то же самое проделал с другой.

– Так, а это что у нас?.. Картина. Как называется, а, Стасик? Изнасилование лесбиянок педерастами? Нет?

Наркоман полоснул по репродукции ножом. Вспорол обивку на кресле. Сорвал со стены фотографию женщины, потянулся рукой к портрету мужчины.

Развеев молча наблюдал за куражом приятеля. Глюкоза взбодрила его, в нем появилась уверенность. А еще пару часов назад он был сломленным, беспоконным. И вот в глазах уже не завтрашний день, взор проникает дальше, на месяц, год вперед. На вечность. И он равнодушно смотрел на щуплого подростка, который медленно приходил в себя. Вот он приподнимается на локтях, трясет головой, его кулаки сжимаются.

Давай, давай, улыбнулся Развеев.

– Прекрати, Леня! – крикнул Стас, поднимаясь на ноги. – Не смей! Не трогай фотографию! Это мой отец!

Ложкин одним прыжком оказался рядом с ним.

– Что?! Что ты сказал?! Нет, я убью эту тварь! – Он схватил парня за волосы, ударил коленом в лицо и потащил его на кухню. Открыл духовой шкаф и сунул в него голову своей жертвы. Повернул ручку. Немного подержал в таком положении и выключил газ.

– Не забывай насчет денег, – напомнил ему Развеев. Он прислонился к дверному косяку и разминал в пальцах сигарету.

Ложкин послушно кивнул и снова переключился на хозяина. Он вытащил голову Стаса из духовки и зашипел ему в лицо:

– У тебя есть деньги? Я тебя спрашиваю, сучка!

Ложкин ударил его лицом о дверку шкафа. Кожа на лбу парня лопнула, горячий ручеек крови, огибая глаз, побежал вдоль носа, задержался у губ, начал заливать подбородок, шею.

– Говори, где деньги, педераст!

Едва шевеля разбитыми губами, Стас тихо прошептал:

– В куртке. В прихожей.

– Ладно, коза, живи, – заплетающимся языком произнес Ложкин, пересчитывая деньги. На них можно продержаться неделю. А если «вставляться» глюкозой, то две-три.

Двумя пальцами он сжал подбородок Стаса и отчетливо произнес:

– Через неделю зайду опять, приготовь то же самое, понял? На всякий случай поставь себе клизму с марганцовкой, я ведь могу и передумать, и твоя задница мне понадобится.

Он глумливо рассмеялся и открыл конфорку. Газ тихо зашипел, распространяя неприятный запах по кухне.

– Только не обнюхайся, – напутствовал Ложкин хозяина, и они с Развеевым вышли из квартиры.

От запаха газа Стаса затошнило, голова стала тяжелой, неподъемной. После нескольких неудачных попыток он, продолжая сидеть на полу, все же сумел дотянуться до стола и нащупал непослушными пальцами коробок со спичками.

Он проиграл в очередной раз...

Подняв голову, бесстрашно открыв глаза, Стас чиркнул спичкой.

* * *

Развеев и Ложкин уже прошли двором и собирались завернуть за угол соседнего дома, когда позади них раздался громкий хлопок. Они разом повернули головы. Из окна на четвертом этаже вырывались клубы дыма и пламени.

Приятель посмотрели друг на друга.

– Может, замыкание в проводке? – спросил Ложкин и нащупал в кармане призывную ампулу с витамином. Ему захотелось уколиться – сейчас, немедленно.

– Теперь это не имеет значения, – ответил Развеев. Благотворное действие от наркотика все усиливалось. Его состояние словно подстегнула смерть маленького, щуплого паренька, которого он толком и не запомнил.

– Интересно, – протянул Игорь, – где делают этот наркотик?

Ложкин схватил его за руку.

– Ты о чем, Развей?! Надо уносить отсюда ноги!

– Не бойся, – успокоил его приятель. – Вряд ли кто-то обратил на нас внимание. – Крепкими пальцами он сжал запястье товарища и отвел его руку в сторону. Пристально взгляделся в его глаза. – Что, если сегодня ночью мы навестим Вадима Барышникова?

– Можно, – после некоторого раздумья произнес Ложкин. – Деньги-то у нас теперь есть.

– Я не об этом. Просто вспомнил о том, что глюкоза есть только у Вадима, и появилась она совсем недавно.

– Ну и что?

– Да есть у меня одна мыслишка.

Глава 3

В течение недели Мельник выявил девятнадцать посетителей доктора Алберта Ли. Все они приезжали от половины седьмого до девяти часов вечера по три-четыре человека с интервалом в 35 – 40 минут, и никто из них ни разу друг с другом не встретился. Время приемов для таких клиентов очень удобное, особенно здесь, в самом конце улицы Партизанской, где автомастерские, ателье и другие производства малого бизнеса пустеют после 18 часов, – тут было тихо и спокойно.

В свой список журналист уже занес мэра Бориса Аничкова, Виктора Березина, прокурора города Безрукова, прокуроров еще двух районов – Железнодорожного и Ленинского. Из областного суда приезжал судья Анатолий Третьяков. Также в список попали известные адвокаты, кое-кто из руководителей таможни и другие высокопоставленные чиновники города.

С некоторыми Мельник был знаком лично, кого-то видел по телевидению или на пресс-конференциях. Пока он знал только то, что все они проходят какие-то лечебные сеансы, скорее всего под воздействием гипноза. Ирина сказала, что Алберт Ли всего полгода назад арендовал кабинет в здании типографии. Она не раз видела доктора: обходительный, одевается старомодно, но выглядит импозантно, лицо строгое, при встрече он надевает приятную улыбку. Ира так и сказала: надевает. Общее впечатление портят глаза – холодные, чуть навывкате – рыбы, опять определение Ирины. От его взгляда ей становилось неуютно, и она просто не выносила общения с доктором дольше двух минут. Как врач своих услуг он ей не предлагал.

Павел имел возможность видеть Алберта Ли с расстояния пяти метров: именно столько отделяло его, удобно расположившегося за закрытой металлической шторой-жалюзи типографии, от двери докторского кабинета. Экстрасенс выходил ровно в половине десятого, закрывал дверь и опускал штору. У самого пола два стальных штыря автоматически входили в пазы нижней массивной части шторы. Раздавался щелчок, и Ли неторопливо спускался по лестнице. Свою «восьмерку» цвета рубин он оставлял на противоположной стороне улицы, и Павел наблюдал, как Ли садится в машину.

Экстрасенс казался безликим. Мельник отметил его твердую походку, манеру держать голову низко, склоняя ее к правому плечу. Образ Ли, нарисованный Ириной, был более живым и ярким.

«На сеансы гипноза это не похоже, – думал журналист. – Слишком уж кратковременны они – 20 – 25 минут. Гипноз требует более длительного времени, человек должен успокоиться, расслабиться, впасть в гипнотический сон, некоторое время пребывать в таком состоянии, потом – выйти из гипноза, немного отдохнуть... Нет, это точно не гипноз».

Не было это похоже и на мануальную терапию. Мельник видел, как работает, к примеру, Зиновий Шмель и сколько времени уходит на это. Скорее всего влиятельные пациенты Алберта Ли принимают какой-то препарат. Но что может быть такого особенного у Ли? Шмель не сказал ничего определенного, он все время крутился вокруг одной фразы, что, мол, Алберт Ли – личность темная.

Китайская народная медицина достаточно действенна и прогрессивна, так же как и тибетская. Что у Алберта Ли – травы, отвары? Не потчует же он и в самом деле своих пациентов аспирином! «Ты как себя чувствуешь после аспирина?» – спросил Виктор Березин. Непонятно. Какой-то неизвестный препарат, который они называют аспирином? Да, скорее всего так, кодовое название – аспирин. Бред какой-то.

«А почему бред, – возразил себе Павел, – когда они регулярно посещают этого доктора? Березин прошел пятнадцать сеансов, «необыкновенный подъем сил» – сказал он, идя на шестнадцатый...»

Приблизительный контингент доктора Мельник знал, теперь придется вплотную заняться самим экстрасенсом.

Аспирин...

Это привычное слово почему-то заставляло журналиста хмурить лоб.

Адрес доктора Ли он нашел в первый же вечер – 17 апреля, после встречи с полковником милиции. Открыв электронный справочник на компьютере, он выписал себе в записную книжку: Ли Алберт Кимович, Вишневая улица, дом 13, квартира 62. А для полной уверенности в среду 19-го числа ехал за Албертом Ли до самого его дома.

Сегодня было 24 апреля, понедельник, – самое неподходящее время для разговора с заместителем главного редактора газеты Виктором Мячевым. Павел приехал в редакцию в 8.00 и занял пост в приемной. Секретарша Мячеева, Алёна, шутливо посоветовала ему не утруждать себя: шеф не примет его. Но тот, едва увидев Павла, утянул его в недра своего кабинета.

Алёна еще в пятницу навела идеальный порядок на столе шефа, и вот Мячев, как обычно, в считанные секунды привел все в хаос. Мельник не успел присесть на стул, как на пол полетели какие-то бумаги, их место заняли другие, извлеченные из ящика стола, и Мячев похоронил под ними пепельницу.

Он закурил, бросил спичку на палас и туда же стал ронять пепел.

– Паша, ты меня удивляешь, – начал он. – За полтора месяца ни одного интересного репортажа. Даже Мастодонт заметил это.

Мастодонтом прозвали владельца «Вечерних новостей» Владимира Логуненко, ныне миллионера и прекрасного редактора. Мельник облегченно выдохнул. Выяснялось, что не предстоит никаких командировок и он запросто сможет выбить себе неделю-полторы.

Он помог шефу отыскать пепельницу.

– Я как раз за этим и пришел, Виктор Петрович. Дадите мне десять дней?

Мячев преобразился.

– Намечается что-нибудь интересное? Ты откопал что-то?

– Может быть, – уклончиво ответил Мельник. – Но предсказания о крахе кабинета министров я вам не обещаю.

Шеф небрежно махнул рукой.

– Это неинтересно. Он встрепенулся и принял деловой вид.

– Я дам тебе десять дней, но вынужден буду доложить Мастодонту, что... какое у нас сегодня число?... что четвертого мая ты принесешь интереснейший материал.

Павел пожал плечами: а куда деваться?

– Отлично. Скажи мне, Паша, почему ты пропустил три эфира на телеканале? Ты уже ведешь это дело?

– Да, шеф.

– Ты продолжишь работать без аккредитации?

– Да. Я веду независимое расследование.

Редактор побарабанил по столу пальцами и некоторое время молчал.

– Вот что, Паша. Я хочу перестраховаться и дам тебе отпуск на десять дней. Я позвоню в бухгалтерию, лишние деньги тебе не помешают.

– Так это же мои деньги!

– Конечно. Но в данный момент они лишние. Ты же не собирался в отпуск.

– Вы макиавеллевский человек, шеф.

Мячев удовлетворенно рассмеялся.

К дому Алберта Ли журналист подъехал в начале одиннадцатого. Запарковав машину, он вошел в кафе и занял место у окна.

Посетителей было немного, к нему тут же подошел официант. Павел заказал овощной салат с орехами и апельсинового соку. В этот раз на нем были джинсовые брюки и сирене-

вый шерстяной пуловер. Усы, которые он носил в течение последних полутора лет, пришлось сбрить, но Павел не жалел о них. Мельник кое-что изменил и в прическе. Последней деталью были солнцезащитные очки. Осмотрев себя в зеркале, Павел остался доволен: вряд ли его узнает кто-то из поклонников раздела криминальной хроники 6-го канала.

В 1992 году газета «Вечерние новости» купила у телекомпании «6 плюс» 30 минут эфирного времени, где 10 минут были отведены под раздел криминальной хроники – личный проект Павла Мельника. Вели ее поочередно Павел, Николай Волков и Людмила Паршина.

Людмила – высокая жгучая брюнетка – немного отвлекала внимание телезрителей от основных событий голубыми глазами и, особенно, пышным бюстом. После первых трех ее репортажей камера стала «наезжать» на девушку, отсекая ее природные достоинства. На экране были видны практически ее голова и плечи. Людмила возмутилась, режиссер – тоже, но вскоре нашли оптимальный вариант: в начале и в конце репортажа Людмилу стали показывать чуть ли не по пояс, а в остальное время – «голова и уши», как выразилась сама «криминальная звезда».

Николай Волков вел передачу эмоционально и резко, хорошо поставленным голосом обвинителя. Иногда он придвигал лицо, на котором появлялось особо суровое выражение, к камере. Телезрители невольно отстранялись, боясь, что репортер вылезет из экрана к ним в квартиру. Весь его угрожающий вид говорил: «Доколе будем терпеть, господа!...» Многим он нравился.

Женская половина Климова лучшим комментатором считала Мельника. Ничего от супермена в нем не было: высокий, худой, длиннолицый. У него появилось множество поклонниц, надоедающих ему телефонными звонками. Он регулярно менял пиджаки, одеваясь от Милены Бергман, и все они были в клетку – самая маститая в Климове модельер не изменяла своей традиции, а Павел не изменял Дому моделей Милены Бергман. Это было дорого, но за удовольствия, вернее, за имидж, приходилось платить.

Прошедшую неделю раздел криминальной хроники вели Николай Волков и Людмила Паршина. А Павел наблюдал за влиятельными посетителями Алберта Кимовича Ли.

Вот и сейчас он продолжал наблюдение, медленно пережевывая салат. Надежды на сегодняшний день Павел особо не возлагал. Во-первых, он приехал поздно и Ли наверняка уже нет дома. Трудно допустить, что все дела экстрасенса укладываются в те два с половиной часа, которые он проводит в своем кабинете. Мельник поставил перед собой первую, пока очень туманную задачу: выявить связи Ли, круг его знакомых. Конечно, сделать это только при помощи слежки было невозможно, но это только первый шаг. Внутреннее чутье журналиста подсказывало ему, что он на пороге чего-то значительного и необычного. У него были знакомые офицеры и в милиции, и в ФСБ, но он пока не решался прибегнуть к их помощи – уж чересчур солидная клиентура у Алберта Ли.

Мэр Аничков приехал на сеанс в четверг 20 апреля в начале девятого вечера. Сначала в подъезд вошли два телохранителя, один из них занял место на лестничном марше, ведущем на второй этаж, второй стал рядом со шторой, и Павел чуть ли не дышал ему в затылок, всматриваясь в тонкую щель между металлическими пластинками. Тогда он пожалел, что воспользовался услугами Ирины, невольно втягивая ее в эту историю: наблюдение можно было вести непосредственно из автомобиля. Мэр быстро поднялся по ступенькам, и третий телохранитель перекрыл вход своей мощной фигурой. Павел засек время: Борис Аничков находился у доктора ровно одиннадцать минут. Безусловно, ни о каком гипнозе речь идти не могла. Он перевел дух, когда вслед за мэром помещение покинул и телохранитель.

Да, в кабинете происходило что-то интересное.

Вообще с подобной ситуацией Мельник сталкивался впервые, хотя были дела сложнее. Впрочем, еще никогда он не видел, чтобы подобная публика неофициальным образом собиралась в одном месте. И у каждого свое время, свое «окно». Но – все они прекрасно осведомлены друг о друге. Начальник милиции назвал два имени – судья Анатолия Третьякова и мэра

Аничкова. «Тебя кто порекомендовал?» – спросил Березин. К Алберту Ли попадают только по рекомендации. А кого может порекомендовать тот же мэр Борис Аничков – не своего же охранника! И еще интересным был тот факт, что многие из них в годах: мэру шестьдесят, начальник милиции на два года старше. Но большими – в прямом смысле этого слова – их назвать было нельзя. Судья Третьяков и прокурор Безруков, к примеру, были намного моложе мэра, но об их недугах знали многие. Тем не менее Виктор Березин удивился, когда столкнулся с Мельником возле кабинета Алберта Ли: «Тебя-то как в нашу компанию занесло? Тебе ведь и сорока нет».

«Среди них я не видел ни одной женщины, – продолжил размышления журналист. – Может быть, они лечатся от импотенции? Уже тепло, многое встает на свои места».

Что еще может быть? – спрашивал он себя, но первоначальное предположение было настолько логичным и всеобъясняющим, что мысли прочно заклинило. Он решил перейти собственно к аспирину – конечно, это условное название. Полковник сказал, что испытывает необыкновенный подъем сил. Недвусмысленное, надо сказать, признание. Но ведь тут даже скандального репортажа не получится, только пошлый анекдот: смеяться никто не будет, а на рассказчика будут смотреть снисходительно. Ну и что, лечатся от импотенции солидные люди как бы нетрадиционным методом. Это их право, и никому не позволено влезать в их личную жизнь. Тем более что все газеты пестрят объявлениями: лечу от полового бессилия, лечу от бесплодия, Центр такой-то медицины приглашает... Да, по-моему, я зря дал обещание Мячеву.

Можно было возвращаться в редакцию и приниматься за настоящую работу, но Мельник все же решил выяснить метод лечения доктора Ли, нет ли в нем чего-нибудь необычного.

Да еще это слово «аспирин» – оно не давало покоя журналисту. Он слышал его и говорил сам тысячи раз, оно перестало вызывать какие-либо ассоциации: температура – выпей аспирина, насморк – прими аспирина, тяжело после вчерашнего вечера – выпей и прими душ, – но мог дать голову на отсечение, что раз или два он слышал его в более странной ситуации, нежели тогда, когда оно прозвучало из уст начальника милиции. Тогда оно прошло незамеченным, но после того как Березин спросил его о самочувствии после аспирина, то старое – незамеченное раньше – стало ворочаться и потихоньку вылезать на поверхность.

Мельник понимал, что насильно вспомнить ему не удастся, знание придет само – неожиданно и вдруг.

Он больше часа вел наблюдение из машины, прослушал две кассеты классической музыки, пытаясь отвлечься, чтобы это *вдруг* обрушилось неожиданно.

В начале шестого Мельник поехал в типографию «Альфа-Графикс».

«Восьмерки» цвета рубин еще не было, Ирина еще не ушла домой. Павел как был в переплощенном виде и темных очках, так и предстал перед ней.

Ирина вздрогнула и с минуту неподвижно смотрела на него.

– Павел... – прошептала она. – Как ты меня напугал! В первые секунды мне показалось, что это Илья: стоит – и смотрит. – Нет, все-таки это я. Я поменял имидж.

– Напрасно. Тебе следовало посоветоваться со мной.

– Сожалею – решение пришло внезапно. К тому же я мог и не внять твоим советам.

– Ты еще помнишь о нашем разговоре? – удивленно спросила женщина.

– Естественно. Ты сказала: «Не приспособливайся» – и я тебя послушался.

– Да, сейчас ты не похож на конформиста, который со всем соглашается: «Естественно, вы правы» – но глазки у тебя косят. Ты хитрый лопухий заяц, Паша. Следишь? – Ирина постукала туфель по полу.

– Ага, – подтвердил Мельник. – У меня к тебе просьба.

– Опять? А где цветы?

– Ты не заказывала.

– Хорошо. Что это за просьба?

- Хочу на завтрашний день поменяться с тобой машинами. Обмен, правда, не совсем равный. Я дам тебе *нашу* «Ниву», ты мне – «Вольво». За оформление доверенностей плачу я.
- Ты забыл сказать волшебные слова, – насмешливо произнесла женщина.
- О да, конечно! Ира, пожалуйста...
- Не то. Ты забыл сказать «Дай ключи».

Елена Козина приоткрыла дверь приемной и на всякий случай посмотрела – на месте ли табличка.

На месте.

ЧАСТНОЕ СЫСКОЕ БЮРО А. ХЛОПКОВА.

Секретарша сыского агентства оглядела длинный коридор. Пусто. Только возле офиса компании со странным названием «ДЭПП И ДЖУН» сидят два человека, из дверей нотариальной конторы Владимира Першикова вышла молодая пара, в руках какие-то бумаги.

Работают люди, подумала Козина, завидуя нотариусу и даже его секретарю-машинистке Светлане Турчиной, а также владельцу фирмы «ДЭПП И ДЖУН» носатому Борису Шахматову. И вообще всему девятнадцатому этажу – последнему в административном здании Индустриального района, который кое-кто называл Пентхаузом. Администрация города сдавала в аренду больше половины помещений этого высотного здания на улице Космонавтов, самые дешевые – на первом и последнем этажах.

Видно, вскоре придется съезжать отсюда, продолжила размышления Козина. Цены за аренду непомерно высоки, растут с каждым днем, а бюро занимает непозволительно большую площадь – вместе с приемной двадцать восемь квадратных метров. А штату сыского бюро с такой работой, как сейчас, за глаза хватит и трех. Даже еще место останется для портфеля шефа.

А.Хлопков постоянно торчит у себя в кабинете и, подобно пауку, полусонно выжидает. Детектив Валентин Авдеев не вылезает из своей машины. Подгонит ее с утра к подъезду и ложится в ней спать. День и ночь спит.

Но когда есть работа, маленькое детективное агентство преобразуется. Детектив Авдеев, заряженный не хуже аккумулятора, готов работать, как и спать, сутками. Шеф также активно включается в процесс розыска, видоизменяется на глазах. И на вопрос секретарши: «Шеф, а вам не нужен в этом деле третий детектив?» – которая под третьим детективом всегда имела в виду себя, – ответит: «Да, пожалуй, мне понадобятся опытные люди».

Деньги в бюро не ахти какие, но Козина знала, что получает меньше, чем А. Хлопков, на чисто символическую сумму. Остальное съедает аренда, налоги, накладные расходы плюс покупка более современного оборудования для сыска.

Агентство существует уже три года. За это время сделано многое, но штат остался прежним: два детектива, они же учредители ИЧП, и Елена Козина – секретарь.

В дальнейшем Александр Хлопков намеревался расширить штат, но для этого нужны деньги, для денег – клиенты, а те не хотят отзываться на более чем скромную рекламу в газетах и бесплатных рекламных приложениях.

Вот если бы детективы бюро раскрыли какое-нибудь громкое дело, успех им был бы гарантирован. Но, во-первых, где взять такое дело? Во-вторых, для раскрытия громких дел нужен порядочный штат, прочные связи с силовыми структурами. А последние глубоко игнорируют частную инициативу А. Хлопкова.

Но Елена Козиной было интересно работать с детективами – не имеется в виду смотреть на серую паутину в кабинете шефа и слушать храп «младшего» сыщика Авдеева, а увлекательно вообще. Особенно первое время. Приходит клиент – необходимо проследить, записать,

собрать и продемонстрировать. Здорово! Проходят дни, а иногда и часы, и Александр Хлопков выкладывает перед клиентом готовый материал. Просто удивительно!

Впоследствии Елена узнала о методах работы частных сыщиков, они показались ей не менее яркими, чем пресловутая паутина в кабинете директора, однако она прониклась уважением к опасной профессии детективов и однажды напросилась в долю. Тем более что шефу нужен был «женский глаз», как он сам выразился. И Елена получила неплохие премиальные. С тех пор она задает патрону один и тот же вопрос: «Шеф, а вам не нужен в этом деле...» Конечно, это при условии, что есть клиент, есть заказ, работа. А так...

...Козина в последний раз оглядела пустой коридор. Ей показалось, что кабина лифта остановилась. Секретарша подождала, пока откроются двери, и, видя, что два человека направляются в другую сторону, скрылась в приемной.

Нет, сегодня вряд ли кто-то надумает обратиться за помощью в детективное бюро А.Хлопкова. Нужно посоветовать шефу дать рекламу по ТВ. Нет денег на счету – сброситься наконец. У нее, например, осталось в загорелом чемодане что-то около двух тысяч.

Она решительно постучала в дверь кабинета патрона.

Глава 4

25 апреля Алберт Ли вышел из дома в 8.55. Десятью минутами позже он выехал с автостоянки ВДОАМ на своей машине. Следуя за «восьмеркой», Павел то и дело менял полосы движения, держась от автомобиля Ли на почтительном расстоянии.

Экстрасенс поставил свою машину напротив дома номер 48 по проспекту Космонавтов и, спустившись в подземный переход, вышел к девятнадцатиэтажному административному зданию. Зеркальные стекла дверей поглотили врача. Спустя две минуты они поглотили и Павла.

Мельник быстрым взглядом окинул огромный холл и, не обнаружив знакомой фигуры, стал читать список контор над служебной стойкой.

Двенадцатый этаж. Тринадцатый... На пятнадцатом целых девять адвокатских контор. На шестнадцатом – офис рекламного агентства «Солярис».

Стоп! Мельник впился глазами в знакомую аббревиатуру из трех букв – ФКБ. На восемнадцатом этаже здания находилась контора филиала фармацевтической компании «Здоровье и долголетие» («Фармацевтическая фабрика Барвихин Со., LTD», проспект Космонавтов, 48, Климов), центральный офис которой находился в Москве.

На всякий случай Мельник прочитал список контор на последнем, девятнадцатом этаже. Там значились нотариальная контора, частное сыскное бюро А. Хлопкова и еще несколько фирм.

Он сделал несколько записей и покинул здание.

Через пятнадцать минут в компании высокого импозантного человека появился Алберт Ли. Они недолго поговорили. Высокий пожал экстрасенсу руку, сел в роскошный «Понтиак» цвета морской волны и поехал вниз по проспекту.

Мельник секунду-другую колебался – за кем ехать? Поехал за «Понтиаком».

На углу проспекта Космонавтов и улицы Мичурина он чуть было не упустил иномарку: когда до перекрестка оставалось около сотни метров, высокий, следовавший по второй полосе, включил указатель правого поворота и перестроился на один ряд. Мельник ехал в третьем ряду, и перестроиться на такой короткой дистанции на два ряда было очень сложно. Загорелся зеленый свет, разрешая движение только прямо, высокий ждал зеленой стрелки направо. Замешкавшемуся Павлу сзади настойчиво просигналили. Патрульно-постовых не было видно, он проехал перекресток, резко развернулся, пересекая осевую, и стал в левом ряду. На светофоре зажглась раздвоенная стрелка – движение только направо и налево, и он первым сделал поворот. Следующий сигнал светофора будет для «Понтиака».

Мельник свернул в переулок и, проехав квартал, снова оказался на проспекте Космонавтов: впереди ехал «Понтиак» цвета морской волны. Журналист перевел дух.

* * *

Ехали долго, около получаса. Павла снова терзали сомнения.

В промышленной зоне на северной окраине города – средоточие большинства гигантов промышленности Климова. Над неширокими улицами с жестким цементным покрытием висело вечное облако пыли; большегрузные машины, отфыркиваясь отработанными газами, сердито обгоняли друг друга; длинные трубы заводов и фабрик извергали в атмосферу ядовитый дым.

Мельник невесело усмехнулся. Года два назад он писал о загрязнении атмосферы. Под его перо попали несколько предприятий города, чьи показатели в десятки раз превосходили допустимые. Статья вышла удручающей.

Один из этих заводов находился сейчас справа от него – Цементный завод № 3.

А «Понтиак» упорно пробирался в колонне грузовиков, иногда пропадая из виду.

Наконец, когда закончились металлические заборы заводов, а вдаль показались зеленые берега реки, иномарка резко повернула и остановилась на широкой бетонированной площадке возле невысоких строений. Мельник медленно продолжал движение, он освободил себя от ремня безопасности, поворачивая голову назад. Здесь было чисто, корпуса предприятия казались только что выкрашенными, за воротами виднелись частые струи фонтана, над входом в административное здание – те же большие заглавные буквы: ФКБ. Он находился возле фармацевтической фабрики «Здоровье и долголетие». Пожалуй, он не зря поехал за высоким.

А тот, выйдя из машины, подошел к крытой тентом «Газели». Водитель принял от него какую-то бумагу и подогнал машину к воротам. Навстречу вышел сторож, ознакомился с документами и поднял шлагбаум. Высокий прошел в административное здание.

Мельник к этому времени уже миновал проходную. Развернувшись, он отъехал от фабрики метров на семьдесят. Через сорок минут на дороге показалась «Газель», за ней – «Понтиак» высокого. Павел с величайшей осторожностью последовал за ними.

Выбравшись из лабиринта заводов, они выехали на объездную дорогу и устремились на юг. Журналист опустил стекло, подставляя лицо под освежающий поток воздуха.

На двадцать четвертом километре авангард снизил скорость, Мельник тоже притормозил. Но милиционер из патрульной машины остановил именно его.

– Ваше водительское удостоверение, техпаспорт на машину.

Павел передал ему документы.

Постовой неприлично радостно рассмеялся:

– Павел Мельник!.. Не очень-то вы похожи сами на себя. А ну-ка, снимите очки.

Журналист повиновался. Время шло, вместе с ним уходили вдаль две машины.

– Да, это вы, – осклабился милиционер. – Доверенность оформили только вчера, верно?

– Да, вчера.

– Отличная машина. Знаете, что я сделаю с превеликим удовольствием, Павел Семенович?

– Не знаю.

– А я знаю. Я оштрафую вас. Чтобы впредь, господин журналист, вы не пренебрегали ремнями безопасности. Потом в своем репортаже не забудьте пояснить, что вас оштрафовали по всем правилам.

Процедура выписывания квитанции заняла не меньше пяти минут. Патрульный, любуясь своим почерком, о-ч-е-н-ь медленно заполнял пустые графы. Прежде чем поставить сумму штрафа, он с улыбкой осведомился:

– Для вас не обременительна сумма в... пятьдесят тысяч?

Павел только кивнул. Поторопи он сейчас гаишника, и тот нарочно затянет время.

– Пожалуйста, Павел Семенович. Всего хорошего. Будьте любезны, пристегнитесь.

«Вот ублюдок. За что вы ненавидите меня?»

– Спасибо.

Мельник степенно тронулся с места, но уже через полминуты гнал «Вольво» на пределе допустимого. Но вскоре сбавил скорость: догнать машины он еще мог, знать бы только, по какой дороге они поедут дальше. Он свернул с объездной дороги и поехал в город.

* * *

В первой же аптеке Павел попросил аспирин.

Продавщица выложила на прилавок картонную коробку.

– Пожалуйста. Восемь тысяч ровно. – А у вас есть аспирин компании «Здоровье и долголетие»? – спросил журналист, прочитав название на упаковке.

– Да, быстрорастворимый аспирин. – Она повернулась к стеклянным стеллажам и достала золотистую коробочку. – Пожалуйста. Будете брать?

Мельник кивнул, разглядывая три знакомые буквы изготовителя.

– Одиннадцать тысяч.

– Скажите, – откровенно спросил Павел, – а можно употреблять аспирин от импотенции?

Продавщица осталась непроницаема.

– Безусловно. Но результата вы не получите. Есть хорошее средство, шведское, но стоит очень дорого.

– А фирма ФКБ не выпускает такого препарата?

– Об этом мне ничего не известно. Во всяком случае, к нам оно не поступало.

– Спасибо. Я возьму только аспирин.

Получалось что-то несурзное. Был доктор Ли и его солидные клиенты, были их довольные лица, наконец – фармацевтическая компания и аспирин, который ни черта не помогает.

В машине он принялся изучать инструкцию к применению.

Впрочем, в этом не было надобности. Он десятки раз, не задумываясь, вскрывал, подобную этой, упаковку, бросал две таблетки в стакан с водой и смотрел, как та шипит и пузырится. Безусловно, много раз он пользовался аспирином фирмы ФКБ, российского производителя лекарств. Три большие буквы на упаковке подсознательно отложились в памяти, ассоциируясь впоследствии с лекарством, в данном случае с аспирином.

Мельник читал:

«Применяйте аспирин ФКБ только после внимательного изучения инструкции!

Берегите от детей!

Состав: ацетилсалициловая кислота: 0,254 г., аскорбиновая кислота: 0,246 г., эксцipientы: в количестве, достаточном для одной быстрорастворимой таблетки.

Показания к применению: головные боли, мышечные боли, ревматические боли, гинекологические боли, лихорадочные состояния.

ФКБ – ваш первый помощник. Быстро, надежно и безопасно».

И что я узнал? – спросил себя Мельник, положив упаковку во внутренний карман пиджака. Как и предполагалось – ничего.

В салоне машины было душно, Павел взмок. Он поехал домой, чтобы принять душ.

Аккуратно повесив пиджак на плечики, он закрыл платяной шкаф. Отчего-то стало неуютно. Он снова открыл шкаф и посмотрел на висящий пиджак. А в пиджаке аспирин.

И он вспомнил, что именно его тревожило и беспокоило с момента встречи с полковником милиции. Слово «аспирин», произнесенное Виктором Березиным в подъезде дома, явно резало слух. И если бы оно не было произнесено полковником милиции, то Мельник никогда бы не вспомнил об офицере Гражданской авиации Николае Агафонове, во внутреннем кармане кителя которого лежали две таблетки аспирина, и о служащем сбербанка Игоре Брянцеве, который накануне трагического исхода не принимал никаких лекарств – тем более наркотиков, – кроме безобидного аспирина. Принимал ли Николай Агафонов перед роковым полетом аспирин, выяснить не удалось.

Мельник забыл о душе. Одну стену его комнаты занимал большой стеллаж, где, помимо книг и журналов, хранились многочисленные репортажи, интервью, комментарии – материалы опубликованные и неопубликованные. Он подошел к полке, помеченной цифрами: 1994. В папке за март находился материал, который интересовал его в данный момент.

Павел взял папку и сел за стол. Материал о катастрофе самолета «Ту-154». Мельник положил перед собой первый лист дела, которое он освещал в газете. Это была стенограмма пресс-конференции, которую провел заместитель начальника Управления Гражданской авиации.

«Управление Гражданской авиации

Прослушивание расшифрованной магнитофонной записи речевого самописца («черного ящика») самолета «Ту-154» авиакомпании «Российские авиалинии», потерпевшего аварию 8 марта 1994 года в 30 километрах от города Климова.

19 марта, 1994 года».

Павел пропустил начало и большую часть середины.

«...Командир корабля Николай Агафонов:

– Климов, говорит борт 1038, рейс 39. Следую эшелонам восемь тысяч. Запрашиваю разрешение на снижение.

Диспетчер аэропорта Андрей Кравцов:

– Борт 1038, говорит диспетчер Кравцов. Дайте сводку о бортовом оборудовании.

Николай Агафонов:

– Климов, бортовое оборудование работает нормально, радар показывает чистое небо. Сигналы климовского и навигационного маяков слышу хорошо. Коротковолновый диапазон забит, дополнительная рация настроена на военный диапазон, связь постоянная. Прием.

Андрей Кравцов:

– Борт 1038, все правильно, снижение разрешаю. Счастливо вам. Конец связи.

Николай Агафонов (традиционное обращение капитана к пассажирам перед посадкой):

– Дамы и господа! Говорит капитан корабля Николай Агафонов. Наш полет завершается, через пятнадцать минут мы приземлимся в аэропорту города Климова. Снижение и посадка будут проходить в штатном режиме. Пожалуйста, пристегните ремни безопасности. При входе в облака – возможность попадания в турбулентный поток. Благодарю за то, что вы воспользовались услугами авиакомпании «Российские авиалинии». Спасибо за внимание... Снижаемся, Леша.

Второй пилот Алексей Пеньков:

– Да, капитан...

Николай Агафонов:

– Чем думаешь заняться в свободное время, Леша?

Алексей Пеньков:

– Постараюсь забыть о наших бифштексах в камбузе и отправлюсь в хороший ресторан. Мне давно рекомендуют японскую кухню, но я пока не дозрел.

Николай Агафонов:

– Не советую тебе, Алексей. Там кормят сырой рыбой, поят горячей водкой из деревянных коробочек, а напоследок подают густую зеленку, которую японцы называют чаем. После такого ужина ты страстно желаешь забыть уже не камбуз, а бортовой туалет.

Смех нескольких человек.

Алексей Пеньков:

– Входим в облака... Высота три тысячи... А ты, Николай, что будешь делать? Кстати, ты еще встречаешься с той рыженькой? Завидую тебе, командир, ты постоянно проводишь время с красивыми женщинами.

Николай Агафонов:

– В этот раз я проведу время с уродиной.

Штурман Петр Игнатьев:

– Ищешь острых ощущений, командир?

Николай Агафонов:

– Конечно! Осточертели красивые женщины и спокойные полеты на «тушиках». Хочется пересечь за штурвал истребителя, надеть кислородную маску, уйти километров на тридцать пять и ухнуть вниз. Хочется пройти бреющим полетом над какой-нибудь дереушкой... Эх, ребята, вам этого не понять, вы никогда не сидели в кресле истребителя...

Алексей Пеньков:

– *Высота две сто. Пора, Николай, запрашивать разрешение на посадку... Николай, ты слышишь?.. Алло, Николай?*

Николай Агафонов (голос звучит глухо):

– *Слышу тебя хорошо, «Тайфун». Выхожу на цель.*

Алексей Пеньков:

– *Николай, что ты делаешь?! Господи, он сошел с ума!!*

Николай Агафонов:

– *Полста четвертый, прикрой меня... не успею выйти из пике, внизу горы.*

Несколько голосов, истерично, перебивая друг друга:

– *Черт, я не могу подняться... сошел с ума... оттащите его... Коля, что ты делаешь!..*

Николай Агафонов:

– *«Тайфун», я не успеваю. Прощай, «Тайфун»...»*

В результате этой авиакатастрофы погиб 81 человек. Самолет на огромной скорости врезался в невысокие холмы, разметав на многие десятки метров тела пассажиров и членов экипажа.

В своей статье Мельник писал, что виной этой ужасной трагедии – раненая психика капитана Николая Агафопова, бывшего военного летчика-истребителя. «Надлом в его душе, – писал журналист, – произошел еще в Афганистане, когда Николай Агафонов летал на бомбардировщиках... И мы до сих пор пожинаем плоды этой грязной и кровавой войны. Это война – давно уже закончившаяся – пересадила Николая на более стремительный и смертоносный «СУ-27», это его штурвал – истребителя – держал в последние мгновения своей жизни Николай Агафонов... Мы не вправе винить в случившемся только Николая Агафопова. Я обращаюсь к руководителям Управления Гражданской авиации, к тем, кто занимается подбором кадров летного состава; наконец, я обращаюсь к членам медицинской комиссии, особенно к психологам, ставя под сомнение их профессионализм: господа...»

После этой статьи Мельник получил письмо от сестры Николая Ларисы Майстровской. Она благодарила журналиста за то, что он был единственным, кто не сказал о ее покойном брате слов «сумасшедший» и «больной». Мельник вынул из папки письмо Ларисы и нашел строчки: «...Вы тысячу раз правы, Павел: душа Николая действительно была раненой...»

На второй день после похорон капитана авиалайнера Мельник посетил его сестру. Женщина встретила его сухо как журналиста – третьего или четвертого, побывавшего в этом несчастном доме (не было еще пресс-конференции, и не вышла пока его эмоциональная статья). Лариса подвела журналиста к шкафу и открыла дверку. Внутри в жутком одиночестве висел китель Николая – в зачищенных пятнах крови, с изодранным в клочья правым рукавом; китель, в котором он встретил свою смерть.

– Вы, наверное, тоже хотите узнать, злоупотреблял ли Николай спиртным или наркотиками, – отрешенно сказала Лариса, бережно вынимая из внутреннего кармана кителя записную книжку капитана, портмоне и серебристую полоску аспирина с двумя таблетками.

– Николай плохо чувствовал себя перед полетом? – спросил Павел, дотрагиваясь до упаковки аспирина.

– Вы можете написать, что мой брат последнее время пристрастился к аспирину, – ответила женщина, закрывая шкаф. – Вы можете задавать свои вопросы. Но, пожалуйста, делайте это побыстрее. Я устала...

Павел отложил в сторону «дело Николая Агафопова». Конечно, он не вспомнил бы о лекарстве, которое упомянула только сестра капитана, Лариса, но его тогда еще, год назад, насторожило совпадение небольших деталей в двух абсолютно различных событиях с трагическим исходом. Только насторожило – не более, потому что нельзя было связать ту ужасную авиакатастрофу, где погибло больше восьмидесяти человек, и всего одну смерть, когда жена убила мужа.

10 марта 1994 года Мельник возвратился из района катастрофы в Климов. На следующий день в редакции он встретил своего коллегу Михаила Пименова, который по делам газеты ездил в Карелию. Он тоже только что вернулся.

– Чем занимаешься? – спросил Пименов, когда они вышли пообедать в столовую.

– Совершенно дикий случай, – ответил Мельник. – Жена убила мужа, ударив его по голове клюшкой для игры в хоккей на траве.

– В чем тут дикость, не вижу? Что муж – главный редактор нашей газеты?

– Если бы... – протянул Павел. – Но в таком случае я назвал бы это не диким случаем, а вполне выгодным делом.

– Выгодным для кого, для жены Мастодронта? Или его самого?

– Для его зама – Мячеева.

Оба рассмеялись.

– Нет, случай действительно дикий. Представь себе уважаемого человека пятидесяти двух лет и его жену, на четырнадцать лет моложе. В семье – идиллия и мир. Жена – Елена Брянцева – в первые месяцы замужества перенесла тяжелую операцию, вследствие которой не могла иметь детей. Это было в 1974 году. Супруги смирились с этим печальным фактом. Игорь Брянцев очень любил свою жену, они как бы замкнулись в своем одиноком мире. В 1986 году они усыновили двухлетнего малыша – Мишу и, по словам самой Елены, любили его больше, чем если бы он был их собственный сын. Игорь, человек очень мягкий, спокойный и уравновешенный, мог часами наблюдать за играми приемного сына. Он и шагу не давал сделать сыну, чтобы не предупредить его, что вон там слишком высоко, а там – очень глубоко. И это продолжалось вплоть до десятого марта сего года.

В тот вечер Игорь пришел с работы и увидел следующую картину: его любимец десятилетний Михаил стоит на верхней ступеньке стремянки и меняет перегоревшую лампу в коридоре. Рядом Елена, дает указания – как безопасней это сделать. Ни с того ни с сего отец приходит в ярость, хватает мальчика и прижимает к груди, изливаясь в нежных отцовских чувствах и посылая проклятья в адрес жены. Елена молчит. Видя это, супруг в каком-то помутнении перенес оскорбления на мальчика: как ты смел, ты засранец и прочее. Миша сказал, что он не засранец, что это плохое слово. И тут... В общем, отец ударил его, бросил на пол, поддал ногой. Человек на глазах превратился в зверя, любовь – в ненависть. Елена, попытавшаяся вступить за мальчика, отлетела в угол. Там находилась хоккейная амуниция мальчика. Она взяла клюшку и сильно ударила мужа. Удар пришелся в висок. Брянцев скончался на месте. Мальчика с многочисленными ушибами и сотрясением мозга отправили в больницу. Вот такая дикая история.

– Как насчет наркотиков? – спросил Пименов.

– Я был в море, где производили вскрытие, поинтересовался у экспертов: все в норме. Коллеги по работе говорят, что к концу рабочего дня Брянцев якобы почувствовал недомогание и выпил стакан шипучего аспирина – незадолго до этого он простыл и ему пришлось обратиться к врачу. У него действительно обнаружили несколько таблеток в кармане. Вчера я беседовал со вдовой. Она никогда не видела своего мужа в таком состоянии. Он был абсолютно нормальным человеком с уравновешенной психикой и здоровым сном. Брянцев никогда не употреблял даже простого снотворного. Мой репортаж вышел уже сегодня, но Мячик требует от меня очерк по этому делу. Не знаю, по-моему, ничего интересного не получится: запоздало и как-то тошнотворно грустно... Ты знаешь, у Николая Агафонова тоже был аспирин в кармане кителя.

– У меня его полная тумбочка. Пойдем, угощу.

Итак, опять аспирин... Павел снова и снова возвращается в март 1994 года.

Николай Агафонов и Игорь Брянцев перед трагедией имели при себе аспирин, оба кончили помешательством с промежутком в два дня.

Чего еще надо? Все это кричит не менее визиток с сюрпризом: *Павел Мельник, репортер и хвостун*. Виктор Березин и компания со своими телесными проблемами ушли на второй план – черт с ними. Может быть, он сумеет найти истинную причину гибели пассажиров самолета «Ту-154» и Игоря Брянцева. А скорее всего не только их. Для этого ему понадобится аспирин из кителя Николая Агафонова, чтобы провести независимую экспертизу через своих знакомых, и выявить по сводкам происшествий за 8 марта 1994 года – плюс-минус три дня – происшествия, наиболее сходные со случаем Игоря Брянцева.

Глава 5

Наконец-то Ложкин и Развей увидели человека, который поставлял Вадиму Барышникову новый наркотик. Вадим сам проговорился насчет второго хозяина – в тот же день, когда приятели пришли к нему во второй раз.

Барышников сразу спросил, почему они без предварительного звонка, и пропустил их в квартиру. Кроме Вадима, в комнате была его подружка. Она безучастным взглядом окинула гостей, которые сразу прошли на кухню.

Первым делом Развеев поинтересовался у хозяина, осталась ли у него глюкоза.

Вадим кивнул и полез в шкаф.

– Пару? – спросил он, доставая коробку.

– А сколько у тебя есть? – живо поинтересовался Развей.

– Ты говори, сколько будешь брать, – усмехнулся хозяин. Он успел уколоться героином, глаза блестели, его движения были неровными. – У меня много чего есть. – Барышников открыл коробку, внутри лежали шесть ампул.

– И все? – Развей умело показал на лице горькое разочарование.

– Мало, что ли? – удивился Вадим.

– Мы хотели десяток взять, компания собирается.

– Героином доберешь.

– Э нет, мы уже пообещали новый «торчок».

– Поэтому я всегда предупреждаю, чтобы звонили, – наставительно произнес Барышников. – Мне-то что, я никогда не обещаю, ученый уже.

– Слушай, Вадим, – заискивающим тоном начал Развеев, – давай договоримся. Деньги у нас есть, берем тачку, возем тебя, куда укажешь. Ты берешь товар, мы тебя возем обратно. Не хочешь светить точку, скатайся один. Призовые ампулы поимеешь с нас. Да мы еще сверху кинем. Ситуация непонятная складывается, вникни.

Барышников покачал головой.

– Не, земляки, ничего не получится. За герой съездил бы, а за глюкозой – нет. Я только два раза в неделю встречаюсь с человеком, который привозит товар в определенное место. Ни адреса, ни телефона его я не знаю. Очевидные вещи, зачем объяснять?

– Но героин-то тебе домой привозят, – сказал Ложкин. – Или ты забыл, что я тоже когда-то в твоей шкуре был: брал на реализацию, продавал.

– Тут совсем другая ситуация, мужики, – принялся объяснять Вадим, – новый препарат, новый человек. Хотя я тоже беру у него на реализацию. – Он облизнул ярко-красные губы и напился воды из-под крана.

– А когда у тебя встреча с ним? – спросил Развей.

– На днях, – ушел от ответа Вадим. – Завтра позвони, послезавтра. Может быть, за эти дни встречу с ним.

Наутро Игорь позвонил Барышникову и как ни в чем не бывало спросил:

– Ну что, есть? Это Развей.

– Когда бы я успел-то?! – вскипел Вадим. – Завтра звони, не раньше обеда.

– Много не отдавай, двадцать штук нам оставь.

Барышников не ответил и положил трубку.

Развеев улыбнулся. Ему было тридцать два года. Как и Ложкин, Развеев сидел на «конкретных» наркотиках, пару раз лечился, ломки проходили у него не так болезненно, а может быть, оттого, что у него была какая-никакая сила воли и он не хныкал, как Ложкин, пережигал в себе, как серу, муки абстиненции, не вынося их наружу. Хотя иногда ему хотелось лезть на стену. В такие моменты он вкалывал себе в вену дистиллированную воду: десятисекундный

кайф в голове, дальнейшая имитация облегчения, полнейший самообман. Но хоть на какое-то время это помогало. Затем горячая ванна, безумные глаза, бессильный скрежет зубов. И снова остаточные проявления силы воли: он не продавал вещей из дома, так, по мелочи, на вино, пиво, которые с минимальным успехом дополняли самообман.

В основном Развеев пробивался посредничеством, довольно часто он удачно становился между покупателем и продавцом наркотиков.

И вот представился случай, о котором можно было только мечтать. Это и новый продавец, и новые наркотики. Глюкоза действовала освежающе: она моментально снимала ломку и приятной теплой волной «накрывала» при повторе. Так же действует на организм морфий.

Чем дольше размышлял Развеев над глюкозой Барышникова, сравнивая ее с другими наркотическими препаратами, тем больше уверялся в том, что изготовлена она непосредственно из опия. Это легко можно было проверить, попробовав препарат на вкус: опийные алкалоиды горькие.

Но он заметил, что новый препарат действует дольше, он успокаивает, дает жить, но в то же время что-то поднимает изнутри, заставляет жестко щурить глаза. Развеев легко воспринял смерть подростка, который на его глазах подвергся унижениям, и ему хотелось вернуться в квартиру и посмотреть на обгоревший труп с тем же непривычным, до этого прятанным где-то внутри, жестким прищуром глаз.

Приятели до самого вечера провозились в гараже, ремонтируя старые «Жигули-копейку» Развеева, которая была порядком запущена. Последний раз хозяин садился за руль машины два года назад, иногда забывал, что у него есть машина. Вдвоем с Ложкиным они поменяли передние тормозные шланги, сменили колодки, поставили заряжаться аккумулятор.

Развей не ожидал, когда наутро сел в машину и повернул ключ зажигания, что старенький «жигуль» заведется сразу. Но мотор живо отозвался на призывы стартера и довольно заурчал.

Игорь несколько суетливо вывел машину из гаража и подмигнул Ложкину:

– Ничего, Леня, до дома Барышникова обкатаюсь.

Вадим вышел из дома без четверти пять и направился к автобусной остановке, соблюдая неписаное правило: безопаснее всего перевозить наркотики по городу в общественном транспорте. Он вышел на остановке «Проспект Космонавтов» и уверенно прошел к иномарке цвета морской волны. Он недолго находился в салоне «Понтиака», а к автобусной остановке подходил уже с полиэтиленовым пакетом в руке.

– В следующий понедельник, – сказал Развеев Ложкину, – место Вадима займем мы. С этой отравой можно не хило подняться.

– А Вадим? – спросил Ложкин.

– А твой гомик? – задал встречный вопрос Игорь. – Тот вообще сгинул ни за что. И все шито-крыто. Помнишь, Вадим под кайфом говорил: «Новый препарат, новый человек»? Я думаю, он не врал. И еще он сказал, что препарат с фабрики, тут вообще сомневаться не приходится: ампулы фабричные, только внутри не глюкоза, а, похоже, действительно чистый морфий, только по цвету отличается. На этом тоже можно поиграть.

Развеев слегка нахмурился: не забыть попробовать на вкус глюкозу Барышникова – маленькую капельку на язык. Судя по всему, она должна быть горькой. А если нет? А вдруг она сладковатая, как обычная глюкоза? Ну и черт с ней, самое главное – она по всем параметрам соответствует морфию. «На вкус и цвет товарищей нет», – ухмыльнулся Игорь.

– Мне думается, что этот человек в машине, – он кивнул в сторону иномарки, которая к этому времени выезжала на дорогу, – работает на фармацевтической фабрике.

– Как бы нам не вляпаться, – пробурчал Ложкин. Но деваться некуда. Когда нечем уколоться, приходят мысли продать свою задницу черномазым на рынке и на вырученные деньги купить дозу. Лучше кинуть Вадима и этого черта на иномарке.

– Держится он солидно, – заметил Развеев, провожая «Понтиак» глазами. – Похож на большого человека. Но большие люди не возят товар, на то у них есть «шестерки». А этот действительно новичок в деле наркобизнеса, залетная птица. Не верится, что такой солидный человек работает мальчишкой на побегушках. Нам это на руку, или заведем с ним дружбу, или обломаем ему рога.

– Поехали, «вмажемся», Развей, – нетерпеливо предложил приятель.

– Поехали. До понедельника денег нам хватит. Но нам нужно появиться у Вадима как можно скорее.

– Точно, – одобрил идею приятеля Ложкин. И добавил, проявляя сообразительность: – Но вначале позвоним ему.

– Это естественно.

Глава 6

– Вы? – удивилась Лариса, делая шаг назад и пропуская журналиста в прихожую. – Здравствуйте... Павел Семенович, кажется? Знаете, вы меня удивили и... немного напугали. Что случилось?

Во внутреннем кармане его пиджака лежала серебристая полоска с упакованными в ней двумя таблетками аспирина. Дома журналист поработал над ней острием ножа, соскабливая дату изготовления, и был *почти* готов – под предлогом осмотра вещей Николая – осуществить подмену. Но для этого ему придется врать.

– Я начал писать книгу, – начал Павел. – С вашего согласия, Лариса, я хочу включить в нее эпизод о вашем брате. Это будет избличительная книга, я опишу ужасы войны в Афганистане. Я сделаю упор на ломающуюся психику молодых военных, на их искалеченные души. Николай будет одним из многих, кого я опишу. Я не собираюсь отражать в книге его нелепую гибель, он как бы пройдет от начала своей карьеры военного, споткнется на Афганистане...

Мельнику казалось, что его уши полыхают огнем.

Женщина покачала головой.

– Я не знаю, Павел, хорошо ли это. Надо ли беречь память о Николае. Вы вправе не спрашивать у меня согласия – брата больше нет. Но вы пришли и спросили. Я вам благодарна за это.

Гость кивнул, ему было стыдно перед этой пожилой женщиной.

– Если вас интересует военная биография Николая, то я расскажу о ней...

Мельник слушал и кивал. Но ему хотелось остановить женщину и сказать: «Не надо, Лариса. Я обманываю вас, я не собираюсь писать книгу о вашем брате. Мне нужны две таблетки его аспирина. Я попробую доказать...»

Но он слушал...

Лариса рассказала о боях Николая в Афганистане и перешла к более позднему времени, когда ее брат пересел на «СУ-27».

– Коля очень любил этот самолет. Он всегда называл его уважительно, полным именем. Хотя многие называли его просто «сушка». Я не меньше брата знаю все достоинства и недостатки этого истребителя, знаю, как он вооружен. Вам, Павел, непривычно, наверное, слушать из уст пожилой женщины все эти лазерные и противолокационные ракеты, инфракрасные наведения на цель в ночных условиях полета. Но Николаю я была больше, чем старшая сестра, я была ему почти матерью, и он всегда делился со мной своими успехами, неудачами, просто жизнью. Ему не повезло в двух браках, мне – в трех...

– Извините меня. – Мельник выдержал паузу. – Могу я еще раз взглянуть на вещи Николая?

Они смотрели в одну точку – и журналист, и сестра погибшего капитана, – на ее морщинистые руки.

– Конечно.

Женщина подошла к шкафу и открыла дверку. Павел стал рядом. Он вопросительно посмотрел на Майстровскую. Она тоже ответила взглядом: «Вы можете сделать это».

Вот они, две таблетки, упакованные в серебристую медицинскую фольгу. Вот и название фирмы: ФКБ – «ваш первый помощник». Пожалуй, он слишком долго разглядывает таблетки. Причастен ли Алберт Ли к этому делу? Мельник этого пока не знает. Что там, помимо ацетилсалициловой и аскорбиновой кислоты? На этот вопрос ответа тоже нет.

Лариса отошла к столу, за которым они беседовали, и прикурила очередную сигарету.

Мельник повернулся к ней.

– Лариса... Мне неудобно, но... мне необходима хотя бы одна из этих таблеток. – Он хотел пойти дальше и самоотверженно сказать, что собирался произвести подлог, но только поморщился от подобного героизма.

Женщина принесла ножницы и молча отрезала от упаковки одну таблетку.

– Спасибо вам большое, – поблагодарил ее журналист. – И еще один вопрос. Вы точно помните, что Николай не обращался к врачу накануне гибели?

– Знаете, вы поставили вопрос очень конкретно, – ответила хозяйка. – Действительно, в больнице брат не был, а вот с врачом общался.

Журналист замер. Сейчас он услышит имя частнопрактикующего врача Алберта Ли. Но прозвучало совсем другое имя.

– Это Женя Корнеев, наш сосед. Он работает в Центральной городской больнице.

Центральная городская больница. Именно в это учреждение обращался перед своей нелепой смертью Игорь Брянцев, вернее, в поликлинику при больнице, Павел помнил это точно.

– Тогда еще один вопрос: аспирин Николаю дал Корнеев, или Николай купил его в аптеке?

Женщина задумалась.

– На этот вопрос я затрудняюсь ответить. Иногда Женя давал нам кое-какие лекарства. Снотворное, например, что-то противогриппозное – я уже не помню.

– Ну что ж, еще раз спасибо.

– Это вам спасибо, Павел. Я ценю ваш поступок. Да поможет вам бог.

* * *

От Майстровской Мельник направился в Индустриальный район. Елены Брянцевой дома не оказалось. Детский голос из-за двери сказал, что мама придет в шесть тридцать вечера.

Оставалось три часа, и Павел поехал в лабораторию городского экологического Центра к Роберту Штробелю, с которым его связывала давняя дружба.

Штробель – сорок семь лет, выше среднего роста, с заметным брюшком, седой бородой и грустными глазами.

Он, как всегда, предстал в безукоризненно белом халате. Сейчас эколог, извиняясь за свой белоснежный вид, скажет, что только что сменил халат, а старый, прожженный каким-то реактивом, весь в дырах, и его просто невозможно надеть. «Покажи, где он?» – спросит Павел, а Роберт улыбнется и ответит: «Это не безопасно».

– Ты по делам или выпьем коньяку? – неординарно осведомился Штробель.

– По делам. У меня очень деликатная проблема, Роберт, – журналист уселся в кресло хозяина. Он любил сидеть в этом кресле – старом, слегка скрипучем, с протертой добела кожей. – На днях я отравился, скрутило живот так, что... Короче – у меня есть подозрения, что я отравился аспирином. Сделаешь анализ?

Глаза Штробеля из очень грустных сделались просто грустными.

– Ты захватил с собой кал? Или?

– Или, Роберт. – Мельник остался серьезен. Он вынул из кармана аспирин. – Для начала вытряси все вот из этой таблетки. И если мои подозрения подтвердятся, то я вытрясу все из их изготовителей.

– Это срочно? – спросил эксперт.

– А ты как думаешь?

Роберт пожал плечами.

– Хорошо. Сделаю. А это что?

– Это для сравнения. – Павел положил на стол три таблетки. – Вот, подобием этой таблетки я отравился. А другие вроде бы чистые... Когда мне прийти?

- Завтра, после обеда.
- Сегодня, – Мельник поднял указательный палец. – Сегодня после ужина в ресторане «Нептун».
- Заезжай за мной в половине восьмого.

* * *

Павел знал, что из Штробеля ничего не вытянешь, пока не предоставишь ему обещанного. В этом Роберт был педантом. Он невозмутимо смотрел вдаль, сохраняя полное молчание. Молчал и Павел, рискуя навлечь на себя гнев работников ГАИ: «Вольво», нарушая ограничения в скорости, неслась в престижный и очень дорогой ресторан «Нептун».

Пока Штробель занимался экспертизой, Мельник беседовал с Еленой Брянцевой. Она так же, как и Майстровская, сразу узнала журналиста.

– Здравствуйте, Елена Геннадьевна. Извините, что беспокою вас.

Мельник осторожно повел разговор о том, что ее мужа, возможно, отравили.

Вдова слушала журналиста и все больше хмурилась. Наконец она сказала:

– Я уже стала забывать об этой ужасной истории. Вернее, не забывать, а гнать от себя воспоминания. Могу я вас попросить, чтобы вы оставили эту затею и не тревожили бы ни меня, ни мальчика, ни моего покойного мужа? Мне кажется, я имею на это право.

Мельник молча согласился с ней.

Итак, он не получит от нее таблетки, если таковые сохранились. Насчет последнего он не питал особых иллюзий. Но он знал, в какую больницу обращался Игорь Брянцев в день своего недомогания. Он сдержанно попрощался с Еленой Брянцевой и поехал в Центр экологии. Оттуда – в ресторан «Нептун».

Столик, за которым расположились приятели, находился в центре зала, но ближе к эстраде. Штробель начал с сухого вина; его жесты были оживленными, глаза – печальными. Павел не торопил его вопросами.

Четверо музыкантов негромко играли джазовую пьесу Джорджа Гершвина «Рапсодия в голубых тонах». Эта музыка казалась естественной и необходимой приправой к напиткам, фруктам, овощам и рыбным блюдам. Официанты появлялись только тогда, когда они действительно были нужны. На каждом столике – светильник, который можно было настроить от бледно-розового до нежно-голубого света.

Когда официант принес жареную форель, эколог повернул реостат светильника. Столик погрузился в зловеще-фиолетовый полумрак, и эксперт, устремив взгляд на принесенное яство, живо напомнил журналисту эпизод из какого-то фильма о вампирах.

Еще двадцать минут прошли в обоюдном молчании: теперь Мельник дал эксперту насладиться рыбой.

Наконец Штробель заговорил.

– Отличный вечер, Паша. Я во второй раз здесь. Но как тебе удалось заказать столик за такое короткое время?

– Я пронира, – сообщил журналист. – И вдобавок пользуюсь незаслуженной популярностью. Ты провел экспертизу?

– Интересный случай, – ответил Штробель, догадавшись наконец расстегнуть на пиджаке пуговицу. Он дышал тяжело и сыто.

Мельник изменил настроение за столом, включив свет зеленых оттенков. На эксперта он не смотрел, в голове испорченным диском крутились слова: «Я не ошибся... Я не ошибся...»

– Тебя интересуют подробности или мне коротко сообщить результат? – поинтересовался эксперт.

Павел потребовал подробностей. Роберт согласно кивнул.

– Таблетка, близость которой ты приравнял к отравленной, весит чуточку больше, чем остальные. Я пользуюсь старыми, но проверенными годами пьезоэлектрическими весами. Ты не суеверен?

Мельник неопределенно качнул головой.

– В какой-то мере. А что?

– Хочешь знать точную цифру – на сколько больше весит зараженная таблетка?

– Это существенно?

– Если ты суеверен, то да, существенно. – Эколог сделал паузу. – Она тяжелее на шестьсот шестьдесят шесть тысячных миллиграмма.

Журналист натянуто улыбнулся.

– Ну, это из области мистики. К тому же, насколько я знаю, даже в такой точной работе, как фармацевтика, существуют свои допуски по весу и колеблются они в пределах сотых, а никак не в тысячных долях миллиграмма. Я прав?

– Почти, – печально улыбнулся эксперт. – Может быть, тебе неинтересно, но разовая доза, к примеру, скополамина из списка А для взрослого человека составляет пять десятитысячных грамма. Так что допуски по весу весьма существенны.

– К черту скополамин, вернемся к аспирину.

– Как скажешь, – пожал плечами Штробель. – Из «легких» таблеток только одна показала результат с тремя шестерками. Разница с другой – 0,0064 грамма.

Мельник улыбнулся и погрозил собеседнику пальцем.

– Тебе, Роберт, не удалось навести на меня ужас «числом зверя». Так что, говоря языком политиков, переходи на реалистичные рельсы. Какое вещество ты обнаружил в таблетке?

– Никакого, – ответил Штробель, не спуская глаз с журналиста.

– Ты сказал «никакого»?! Из чего же слагаются эти лишние миллиграммы? Они что, сотканы из воздуха?

– Воздух, друг мой, тоже является веществом и веществом довольно-таки сложным и непостоянным, – просветил Мельника эксперт. – Где ты взял эту таблетку?

– Купил в аптеке, – ответил Мельник.

Штробель с сомнением покачал головой.

– Если честно, Паша, то я не знаю, почему таблетка весит больше. В ней нет ничего лишнего. Наполнители в норме, ацетилсалициловая и аскорбиновая кислоты полностью соответствуют своим химическим структурам и тоже в норме. Я не нашел ни одного лишнего химического элемента, сделал полный анализ и подсчет, однако весу от этого не убавилось.

– И что? – задал журналист глупый вопрос.

– Ничего.

– Может, таблетка была мокрой?

– О господи... – вздохнул Штробель. – С воздуха ты перешел на воду. Я же сказал – ни одной лишней молекулы.

– Но почему же она весит больше? Может быть, там присутствует новый химический элемент, который ты не знаешь?

– Я бы обнаружил его, – авторитетно возразил эксперт.

– Чертовщина какая-то, – Мельник с сомнением покачал головой и сделал глоток вина.

– Есть небольшой, но существенный, на мой взгляд, нюанс, – задумчиво произнес Штробель. – Может быть, разгадка заключена в нем. Не забывая тебе голову специфическими терминами и собственно ходом лабораторного анализа, выскажу предположение, что в общей массе таблетки совсем незначительно, но нарушено межмолекулярное пространство. Но это только предположение, практически у меня не было времени, чтобы, образно говоря, разложить аспирин на атомы.

Мельник хотел что-то сказать, но Штробель жестом остановил его.

– Погоди, Паша. Насчет веса таблеток – это все ерунда, вес действительно может колебаться. Главное, выдержан вес кислот, а наполнителя может быть незначительно больше или меньше. Однако я подозреваю, что таблетка подверглась какому-то излучению. Все дозиметры и счетчики, которые мы имеем в своей лаборатории, упорно «молчат» и не реагируют. Следовательно, я не знаю, что это за излучение.

– Новый вид?

Эколог пожал плечами.

– Сожалею, Паша, но вечер оказался интересным только для меня. Ты задал мне увлекательную задачу и угостил превосходным ужином.

– И ты не дашь мне никакого совета?

– Да. – Штробель замолчал. – Обратись к кому-нибудь из биохимиков, кто знаком с проблемой термальных состояний. Для нас эта проблема не нова, но мы не обладаем достаточным оборудованием хотя бы для начального ее разрешения.

Мельник покачал головой.

– Мне не хочется огласки. Это дело очень серьезное, Роберт.

– Попробуй вот что... – Штробель поскреб бороду. – Поговори с Яном Гудманом. Я давно его не видел, но ты, должно быть, продолжаешь общаться с ним. Конечно, Ян напрямую не связан с вопросами терминальных состояний, но он – биолог, хороший химик, популяризатор различных идей в биологии и в той же химии.

– Да, наверное, так я и сделаю, – задумчиво произнес журналист. – Хотя я не видел Яна с самого Рождества. А тебе спасибо, Роберт.

Глава 7

Виктор Березин проснулся в это утро с непривычной головной болью. Ведь он уже почти забыл, что такое головная боль. Уже четыре месяца он чувствует себя помолодевшим, здоровым и сильным. Даже не ноет перед непогодой сломанная лет десять назад голень. И он вновь почувствовал себя *настоящим* мужчиной. Но это доставило ему немало и проблем. Виктору Сергеевичу – за шестьдесят, его жене под полста. Силы у него сейчас, как у подростка. А его благоверная – далеко не девушка, даже не женщина. «Бабушка...» – подумал как-то он, лаская тело юной проститутки. Та отдыхала, клиент хоть и немолодой, но неутомимый. Нужно потребовать с него дополнительную плату, подумала она, отбрасывая мысль о том, что лежит рядом с начальником городской милиции.

Это было два дня назад и повторялось периодически в течение четырех месяцев. И вот сегодня...

Березин свесил с кровати отяжелевшие ноги и, как-то неожиданно охнув, схватился рукой за поясницу. «Этого только не хватало». Он доплелся до ванной комнаты и встал под душ. Спустя двадцать минут он уже сидел за столом и пил кофе. От румяных, только что испеченных женой булочек Виктор Сергеевич отказался.

– Не сердись, Нина, – сказал он. – Булочки выглядят очень аппетитно, но... что-то мой старый желудок забарахлил.

– Тебе нужно снова показаться доктору Алберту Ли. Он – маг, честное слово.

– Хорошо.

Что-то отдаленно похожее на сегодняшнее утро произошло три недели назад. Тогда Виктор Березин почувствовал легкое недомогание. Связав это с напряженным днем накануне и таким же вечером в компании со жгучей брюнеткой, он, настав на лицо благодушие и сделав утреннюю гимнастику, поехал на работу. Однако день проходил вяло и томно, к вечеру открылся насморк. Березин снял трубку телефона и позвонил Алберту Ли. Доктор выслушал его и сказал: «Ничего серьезного. *Приезжайте, я все устрою*».

В своем кабинете Алберт Ли заглянул поочередно в оба глаза полковника и зашелестел страницами его личной карточки.

– Вы были у меня последний раз... 14 апреля, прошло с тех пор пять дней. Ну что ж, проведем еще один сеанс.

Доктор налил в стакан воды и опустил туда большую таблетку. Вода запузырилась газами.

– Выпейте, – предложил Ли, – и мы снова расстанемся на неделю.

Березин послушно проглотил содержимое стакана, ощутив во рту знакомый привкус аспирина и аскорбиновой кислоты. То, что четыре месяца давал ему доктор, по вкусу ничем не отличалось от обычного шипучего аспирина, который продавался в каждой аптеке. Когда Березину случалось промочить ноги, он в качестве профилактического средства всегда принимал именно это лекарство.

Он посмотрел на картонную упаковку, из которой Ли вынул таблетку. Никакого сомнения: тот же шипучий аспирин, что и у него дома, одна и та же фирма – ФКБ. Ли в первый сеанс объяснил, что таблетки «заряжены» им. Тогда Березин скептически улыбнулся, имея все основания усомниться в этом. Шарлатанов в Климове – что тараканов на кухне коммуналки. Но этого экстрасенса Березину порекомендовал мэр Аничков, ровесник Березина, они были в приятельских отношениях. Цветущий вид вечно ноющего брызги Аничкова сильно удивил Березина. Тот сказал, что нашел очень хорошего врача и может устроить полковнику встречу с ним.

Итак, Березин скептически улыбнулся. И сам же наутро был удостоен улыбки жены, но не скептической, а благодарной и удивленной: «Что случилось с тобой, Витя? Такое чувство, что эта ночь была нашей первой брачной», – сказала ему потрясенная и усталая супруга.

В тот день первого недомогания Виктор Сергеевич рискнул спросить у всемогущего врача:

– Я что, *просто* не смогу жить без ваших лекарств?

– Почему же? – возразил экстрасенс. – Сможете, конечно. Но в ритме вашего, – он заглянул в карточку, – шестидесятидвухлетнего сердца, печени *и других органов*.

– Мне этого не хочется, – откровенно признался Березин.

Ли понимающе кивнул. Задержав взгляд на пациенте дольше обычного, он отрезал от упаковки аспирина полоску с тремя таблетками.

– Принимайте через четыре дня по одной таблетке, не больше. Вы поняли меня? *Не больше!*

– А от этого я не буду зависим как, скажем, от наркотиков?

– Как от наркотиков – нет, – отрезал врач. – Это обычный состав: аспирин и аскорбиновая кислота. Но вы будете зависимы от своего возраста.

Господи, да я уже зависим от него.

На прощание доктор Ли сказал:

– Вы можете порекомендовать меня кому-нибудь *одному* из своих друзей.

Березин удивленно посмотрел на него.

– Я уже сделал это.

Ли снова кивнул:

– Да, я вспомнил. Судья Анатолий Третьяков, у него диабет, ожирение, он пришел по вашей рекомендации.

Вообще Березин поначалу решил привести к Ли свою супругу, но потом содрогнулся, представив себе помолодевшую темпераментом жену со старым телом. Такой альянс не устраивал Березина, и он промолчал.

Последнюю, третью, таблетку Виктор Березин принял шесть дней назад. Он решил выяснить, насколько ему будет нехорошо и сколько он сможет вынести такое состояние. Нехорошо ему сделалось на пятый день, плохо было позавчера, а вот совсем худо стало сегодня. Все 62 года давили на него огромной бетонной плитой.

* * *

Адъютант капитан Коротков встретил Березина дежурной улыбкой.

– Доброе утро, товарищ полковник.

– Здравствуй, – ответил Березин, мысленно послав адъютанта к черту.

– Сводка у вас на столе. Несколько минут назад звонил Борис Иванович Аничков, просил срочно соединить, как только вы придете.

– Я сам выберу время для звонка, – недовольно проговорил полковник. – Что нового по вчерашней аварии на Киевском шоссе?

– Третий пассажир «Волги» скончался сегодня ночью в больнице. Как и предполагалось, у водителя микроавтобуса в крови обнаружен наркотик – сульфат амфетамина.

– Хорошо. Соедините меня с начальником восемнадцатого участка. Позвонит мэр – меня нет.

Более отвратительного утра в своей жизни Березин не помнил. Ему только однажды доводилось спускаться под воду в тяжелом акваланге. Именно это ощущение наиболее полно соответствовало его теперешнему состоянию: сильное тело покоилось под толстой оболочкой, мешающей нормально двигаться и дышать. Неужели я так чувствовал себя четыре месяца

назад? – спрашивал себя полковник и не мог ответить. *Он уже не помнил этого.* Это ужасно: быть вчера тридцатилетним и уже на следующий день ощутить на себе груз многих десятков лет, ужасно без перехода и подготовки постареть.

Березин решил прервать гнетущий эксперимент и набрал номер телефона Алберта Ли.

В больной голове долго звенели длинные гудки. Полковник повесил трубку и смахнул в ящик стола сводку. В животе противно заурчало, и Березин отчетливо увидел перед глазами румяные булочки, испеченные сегодня утром Ниной. Голод обрушился на него вдруг и с непреодолимой силой. Он вызвал адъютанта и попросил принести ему на завтрак что-нибудь печеного. Внизу, в кондитерском магазине, всегда продавалась вкусная выпечка.

В 10 часов Березин вызвал на селекторное совещание всех начальников участков милиции города. Выслушать всех он, конечно, не мог, даже для того чтобы просто поздороваться с каждым, ему потребовалось бы около четверти часа. Он провел обычную рутинную работу, говорил около двадцати минут и дал отбой. За это время он съел два пирожных и кекс.

Без четверти одиннадцать – еще один звонок Алберту Ли.

«Где его носит?» – Березин непроизвольно сжал пальцы в кулак. Волной накатила злоба, пол кабинета качнулся в сторону, перед глазами поплыли радужные пятна. *Он полностью зависел от своих 62 лет.*

Вошел адъютант.

– Простите, Виктор Сергеевич, но мэр звонит уже в четвертый раз.

– Соедини, – выдавил из себя Березин и взял трубку.

– Виктор! Наконец-то! – услышал он пронзительный голос мэра. – Битых два часа звоню тебе. Уволь к чертовой матери своего адъютанта!

– Между прочим, он слышит нас. Все адъютанты имеют привычку подслушивать.

Капитан Коротков ухмыльнулся. Он сидел за своим столом в приемной и, подмигивая секретарше, по привычке слушал очередной разговор босса.

– Плевать! – отмахнулся мэр. – Ты не знаешь, куда подевался этот треклятый Ли?

– Он умер в 1973 году. – Березина немного отпустило, и он позволил себе шутку.

В трубке повисла тишина. Очевидно, глава города переваривал услышанное.

– Да я не о том Ли! – вполне серьезно заявил наивный мэр. – Я говорю о *нашем* докторе, Алберте Ли.

«Пора тебе на пенсию, – ухмыльнулся Березин. – Ни черта уже не соображаешь». И вдруг отчетливо понял, что мэру сейчас так же плохо, как и ему. Березиным овладело беспокойство: а что, если доктор Ли снялся с якоря и ту-ту? Да я его из-под земли достану!

– Ты можешь приехать ко мне? – спросил он. – Это не телефонный разговор.

Через полчаса в кабинет вошел Борис Аничков – маленького роста, худой, с белоснежными остатками волос на голове.

– Почему ты еще не уволил его? – мэр ткнул большим пальцем себе за спину, указывая на адъютанта, закрывающего за ним дверь.

– Он слишком много знает, – просветил его полковник.

– Тогда пристрели его. – Мэр сел в кресло и расстегнул пиджак. – Душно... А тут еще этот Ли пропал.

– А ты когда его последний раз видел?

Аничков развел руки.

– 20 апреля. Он назначил мне сеанс на 24-е чис-ло, сегодня 25-е, и я уже два дня не нахожу себе места. А как у тебя *со здоровьем*? – натужно хихикнул Аничков.

– Если честно, не очень. Поднялся с головной болью.

– Что вообще ты знаешь о Ли?

Опущенные вниз уголки рта Березина выразили удивление.

– Мне кажется, что этот вопрос должен задать я. Ведь это ты, Борис, познакомил нас. Но я навел кое-какие справки. Родом он из Москвы, окончил Московский медицинский университет, преподавал в медицинском училище. Среди коллег прослыл чудачком, занимаясь поисками психических признаков приближения смерти.

Лицо мэра приобрело землистый оттенок.

– Ч-чем он занимался? – переспросил он, заикаясь.

– Поисками... – Полковник смотрел на главу города не мигая. – Приближения смерти. Восемь лет назад стал членом Общества патологии нашего города. Спустя год обнаружил в себе дар экстрасенса. Еще через два года зарегистрировался как положено, получил в муниципалитете патент и открыл частный кабинет. Жалоб на него не поступало, работает тихо и уверенно. А разве тебе, Борис, не приходило в голову узнать – кто и что этот доктор Ли?

Мэр искренне удивился.

– Зачем?

– Да-да, действительно... – усмехнулся Березин. – Ты заметил, Борис, что в числе клиентов Ли сплошь люди высокого ранга? Тебя порекомендовал Ли твой коллега, ты – меня. Я привел к нему судью Третьякова. А тот наверняка притащил еще кого-нибудь. Ты лично, Борис, сколько людей завербовал?

Мэр пропустил мимо ушей оскорбительно-шпионское выражение. Его глаза стали беспокойными.

– Ты думаешь, на всех не хватит?

– Да я не о том! – вспыхнул полковник. – Хватит на всех энергии доктора Ли или не хватит, это вопрос второй. Понимаешь, мы невольно образовали некий клуб или общество, куда входят престарелые и хилые здоровьем высокопоставленные чиновники.

– Партбюро?

– Что-то в этом роде.

– А разве не существует правительственных медицинских центров? – съязвил Аничков. – Туда простому смертному путь заказан.

– Оставим простых смертных в покое. Со сколькими людьми ты поделился своей радостью?

– Я рассказал об этом троим.

– А каждый из них еще троим... – подвел итог полковник. – Кто и когда был первым клиентом Алберта Ли, мы не знаем. Если идти по минимуму, то возьмем за точку отсчета дату твоего появления у Ли. Это – пять месяцев. Представляешь, сколько у него клиентов?

– Представляю... *Им несть числа*, – ответил Аничков по-библейски.

– Именно. И я удивляюсь, почему это не просочилось в прессу. Наверняка об Алберте Ли ходят слухи.

– Какая разница – просочилось что-нибудь в прессу или не просочилось, напишет об этом какая-нибудь бульварная газетенка или нет. И что они могут написать, что начальник городского УВД Виктор Березин, мэр Аничков и иже с ними регулярно принимают препараты по оздоровлению организма? Ну ладно, какой-нибудь слабоумный борзописец сунется ко мне или к тебе с вопросом: «А правда, господа, что вы недавно оздоровились?» – «Правда, – скажем мы. – Разве по нам не видно?» Тот отправится к Ли: «Здравствуйте, доктор. А правда...» Ли может посмеяться над ним, а может просто послать куда подальше. Вот и все, Виктор. Главное, чтобы Ли продолжал заниматься только *избранными*, чтобы никакой мелочи, которая действительно сможет поднять шум вокруг доктора. Чтобы он не стал вторым Чумаком или Кашпировским. К чему ему собирать полные залы и стадионы хилых, как ты сказал, здоровьем? Надо сказать Ли, чтобы он ограничил число клиентов. Хватит. А мы просто заплатим ему больше. Нам предстоит задать ему массу вопросов. Какое количество таблеток, к примеру, он может

«зарядить» за один раз, существует ли порог, срок годности, так сказать. Если нет, мы скупили у него необходимое количество препарата. А остальные пусть катятся к черту!

Мэр распалился, забыв на время, как ему плохо. Ему хотелось иметь молодую, горячую кровь, а не старческую бодягу в хрупких венах. Извилины в мозгах главы города приняли вид стрел, и направлены они были только в одном направлении.

– Мы зависим от него, – сказал Березин, занятый своими мыслями.

– Да к черту зависимость! – возопил Аничкин. – Тебе что, плохо жилось эти месяцы? Ли прогоняет из наших тел немощность, заставляет жить. Ты разочаровался, Виктор? Ты больше не хочешь жить *по-человечески*?

– Хочу.

– Ну так и живи, господи! Ты – мент и везде ищешь криминальную подоплеку. Ли давал тебе «на дом» заряженные таблетки?

– Давал.

– А-а! – Мэр ехидно улыбнулся. – Уверен, что ты, надеясь обнаружить в них какую-нибудь жуткую наркотическую примесь, посылал их на экспертизу.

– Ну и что?

– Это я должен спросить тебя: ну и что? Человек тратит на нас свою энергию, работает, как ты сам сказал, честно и уверенно.

– А еще я говорил об определенном контингенте доктора. «Политбюро», как ты назвал.

– А может, он специально подбирает себе такую клиентуру, чтобы ему работалось чинно и спокойно. Чтобы валом не обрушилось на него многотысячное население города, дай он простому смертному то, что чувствуем мы. Будет наводнение, Виктор! А доктор Ли прекратит практику. Кто от этого выиграет? Никто! А мы на старости лет еще поиграем. – Мэр тонко засмеялся.

– Я понимаю... – безрадостно отозвался полковник. – К тому же я очень и очень плохо себя чувствую.

– Так поедem искать Алберта Ли, – предложил Аничков.

– Сейчас много работы, вечером.

– Работа – она может постоять... Да, а как насчет моего вопроса – я об экспертизе таблеток аспирина?

Березин покачал головой.

– Ничего лишнего, норма по всем параметрам. Однако вначале мне показалось, что доктор дает мне что-то наркотическое.

Нет, опьянения после приема препарата Березин не испытывал, голова кружилась совсем от другого, жизнь казалась полноценной, в груди – постоянная весна. Но все же для него провели исследования шипучего аспирина. Полковник подумал, что в таблетке мог присутствовать какой-нибудь синтетический аналог морфина, повышающий работоспособность, снимающий усталость. К примеру – метадон, который вначале был призван лечить, но впоследствии оказалось, что синтетический наркотик вызывает множество побочных эффектов. Впоследствии метадон запретили во многих странах. Но не исключено, что кто-то мог знать формулу этого препарата. Или изобрести что-то новое, которое благотворно влияет на организм, но так или иначе незаметно подтачивает здоровье.

Но нет, в шипучем аспирине эксперты не обнаружили ничего лишнего. Значит, доктор Ли действительно обладает поразительными экстрасенсорными способностями, «заряжает» лекарство, как он сам говорит. А раз в препарате нет ничего лишнего, значит, не будет и побочных эффектов. Невероятно, но факт остается фактом.

Когда Кашпировский проводил лечебные сеансы, у Березина, сидящего у телевизора, абсолютно ничего не рассосалось – ни коллоидных швов, ни мозолей на ногах. Однако экстрасенс помог многим. Сам Березин верил Кашпировскому только с одной позиции: «Доктор, у

меня на яичках были бородавки. После вашего сеанса они пропали. А бородавки остались». И вот столкнулся с еще одним экстрасенсом, который на деле доказал, что рассосаться может многое, даже нежелательная беременность у женщин, но только не яички у мужчин. С последними у Березина все было в полном порядке. *Стало* в полном.

– Поехали, – сказал он мэру. – Нам действительно нужно найти доктора. И чем быстрее, тем лучше для нашего самочувствия.

Глава города снова помрачнел, он вдруг подумал, что слухи об экстрасенсе могут докапаться до столицы. И Алберта Ли переманят в Москву. Там слабых и немощных хоть отбавляй.

* * *

Личный водитель мэра отвез их на улицу Партизанскую. Здание, где доктор Ли арендовал помещение для приема пациентов, имело два подъезда – с улицы Партизанской и Гаражной. Водитель остановил «Волгу» на Гаражной улице, и Березин с Аничковым, пройдя два десятка метров, скрылись в подъезде под вывеской «Альфа-График».

Первое, что они увидели, – это тяжелую металлическую штору, отгораживающую правое крыло первого этажа, арендуемое Ли. Штора была опущена и закрыта на замок.

Мэр и полковник переглянулись.

– Нужно найти его, – зло проговорил Аничков. – Это сделают мои люди или твои?

– Не те и не другие. Мы поедем к нему домой.

– Я не могу поверить! – возмутился мэр, садясь в машину. – Глава города и начальник УВД, как два шпики, ездят по городу в поисках этого полукитайца!

Березин, заглянув в записную книжку, назвал водителю адрес:

– Вишневая улица, дом 13.

За дверью квартиры Алберта Ли стояла напряженная тишина.

– Мне погано, – сказал мэр и пнул в дверь ботинком.

– Прекрати, Боря! – осадил его полковник. – Мне тоже нехорошо, однако я... Пусть это сделают твои люди.

Глава 8

По шоссе сплошным потоком тянулась вереница машин. Утреннее солнце было на редкость жарким. Журналист «Вечерних новостей» с повышенным вниманием следовал за Албертом Ли.

На кольцевой развязке «восьмерка» доктора свернула на дорогу с постоянным автобусным движением и покатила на восток от Климова.

Здесь движение было менее напряженным, но Павлу по-прежнему было легко, следуя на почтительном расстоянии от машины Ли, оставаться незамеченным. Правда, ярко-красный цвет «Вольво» – не самый лучший цвет для слежки. Мельник пожалел, что сейчас он не за рулем своей темно-синей «Нивы».

«Восьмерка» свернула под автодорожный мост транспортной развязки и, набрав скорость, влилась в широкую автомагистраль.

На полупустой скоростной магистрали Павлу стало труднее следить за Ли. Он отпустил его на внушительное расстояние, и теперь между ними следовали только белые «Жигули» пятой модели и микроавтобус «Ситроен».

Павел посмотрел на спидометр: больше ста тридцати километров в час.

«Торопится мистер Ли», – подумал он.

Поначалу Мельнику показалось, что Алберт Ли намерен ехать в Москву, но на расстоянии примерно 15 километров от моста «восьмерка» мигнула правым указателем поворота и съехала с московской автомагистрали на узкую дорогу, которая шла параллельно шоссе.

Павел снизил скорость, проехал поворот, дождался, когда ведомая им машина окажется впереди, и дал задний ход.

Дорога, на которую свернул Ли, проходила через довольно густой лес и через восемьсот метров поворачивала под прямым углом направо. Слева, через равные промежутки примерно в семьдесят метров, стояли столбики с предупреждающими знаками: ВНИМАНИЕ! ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ!

Вскоре чьи-то частные владения дали о себе знать высокой изгородью из металлической сетки.

Мельник выбрал удобное место и свернул с дороги, укрыв «Вольво» в густых кустах. Дальше двигаться на машине было рискованно.

Путь пешком занял у него десять минут. Еще издали он заметил широкие ворота и надпись над ними «Звероводческая ферма»; на обеих створках ворот изображены морды нутрий.

Журналист немного углубился в лес и занял удобную позицию для наблюдения, откуда хорошо просматривался просторный двор фермы, четыре ангара-«сандвича», видимо, цехи, и еще несколько небольших строений неизвестного ему пока назначения. В глубине двора стояли три легких, канадского типа, дома.

Возле одного из домиков, который был ближе к воротам, Павел увидел машину Алберта Ли, «Понтиак» цвета морской волны, изящный грузовичок «Газель» и рефрижератор.

Возле самих же ворот находилась энергетическая подстанция и одноэтажное кирпичное здание. Рядом с ним, откинувшись на высокую спинку стула, дремал охранник.

Солнце припекло стража, и он, обнажив мускулистый торс и прикрыв глаза, предавался весенней неге. Из белой кобуры под мышкой торчала рукоятка пистолета. Четыре доberman чувствовали себя вольготно, без привязи бегая по двору.

Мельник наслюнявил палец и поднял его кверху: «заголодело» с левой стороны, значит, ветер тянул с востока, и собаки учуют его, если он начнет знакомство с фермой именно с той стороны. Впрочем, западная часть была более привлекательна для журналиста. Почти вплотную к металлической изгороди примыкали своей тыльной стороной все четыре ангара.

Он сделал несколько шагов, углубляясь в лес, чтобы, пройдя на запад метров сто, выйти к ангарам, но был остановлен громким окриком:

– Добрый день! Я могу вам чем-нибудь помочь?

У Павла внезапно похолодело внизу живота. Он повернул голову и увидел направляющегося к нему человека лет 27 в зеленой, военного покроя рубашке, с которой гармонировала наплечная кобура. На нем были просторные брюки и пляжные шлепанцы на босу ногу. Его слегка удлиненное лицо выражало благодушие.

– Вы что-то ищете? – спросил он, подходя ближе.

У Мельника запершило во рту. Он прокашлялся и коротко ответил:

– Да.

– И что это? – Светловолосый охранник продолжал улыбаться. – Ягоды, цветы? Если вы ищете весенние грибы, то я бы посоветовал вам воспользоваться магазином, где круглый год торгуют шампиньонами. А сморчки пагубно влияют на здоровье.

Он подошел вплотную.

– А может, вы потеряли бумажник? Давайте, поищем вместе. И начнем с того места, где вы оставили свою машину. Красная «Вольво», если я не ошибаюсь. Вы, очевидно, плохо ориентируетесь в лесу.

То, что охранник говорил без умолку, демонстрируя явное превосходство, сыграло репортеру на руку. Он успел опомниться и немного собраться с мыслями.

– Вы правы, – ответил Мельник. – Я не очень хорошо ориентируюсь в лесу.

– В чужом лесу, – добавил добродушный охранник. – Здесь, – он простер руки кругом, – частная собственность. Вы видели таблички вдоль дороги?

– Да, видел. Они и привели меня сюда.

– Вот как?! – фальшиво удивился собеседник. – Вы ищете развлечения в нарушениях закона?

– Я бы хотел поговорить с хозяином зверофермы, – смело и неожиданно для себя самого сообщил Мельник.

На этот раз охранник удивился от чистого сердца.

– Так вы прибыли с деловым визитом? Но почему, в таком случае, вы оставили машину в кустах?

– Хотелось немного пройти пешком.

Ответ журналиста был для дурака. Следующая фраза прозвучала совсем уж для идиота:

– Я хотел сразу пройти на ферму, но... понимаете, желудочная инфекция. И я тут вот, в кустах...

– О!.. – Сторож сделал лицо, подобающее бреду журналиста: он принял игру. – Как не понять. Надеюсь, вам полегчало?

– Да, спасибо.

– Не за что. Частная собственность потерпит. Это особый случай. Пойдем отсюда, – предложил он. И, нарочито внимательно глядя себе под ноги, пошел к ферме.

– Костя! – крикнул он охраннику у ворот. – У нас гости. Загони собак.

Сторож резво поднялся на ноги и заорал на доберманов:

– На место, суки!

Провожатый доверительно сообщил гостю:

– Костик не прав. Все четыре – кобели. Но ему хочется видеть в них сук. Это его право, верно?

Мельник не нашелся, что ответить, и кивнул головой.

– Я тоже так считаю. Подождем, пока собаки уберутся на место. Не дай бог, если хоть одна набросится – разорвет. Кстати, давайте познакомимся. Я – Карл Хейфец.

– Гаврилов, – представился журналист. – Олег Гаврилов.

– Очень известная фамилия, – быстро проговорил Хейфец. – Я большой любитель футбола. Бывший игрок московского «Спартака» носит ту же фамилию. Отличный был полузащитник, прекрасный диспетчер атак. Только он Юрий. Вы не знали?

– Нет.

– Моя любимая команда – дортмундская «Боруссия». А вы за какой клуб болеете?

– Я не интересуюсь футболом. Я поклонник тенниса.

– Так вы, должно быть, политик, – иронично заключил Хейфец.

Мельник выдавил на лицо улыбку.

– Нет, я далек от политики.

– Вы хотите говорить непременно с хозяином?

– Да, хотелось бы.

– Вынужден вас огорчить: его сейчас нет на ферме. Но на месте его заместитель. Вас этот вариант устраивает?

– Вполне.

– Ну и отлично, – одобрил собеседник. – Смотрите, как быстро управился Костя. Но не он главный специалист по собакам на нашей ферме. У нас есть некто Мирза Батыев. *Если это не последний ваш визит, вы обязательно с ним познакомитесь*. Гнусная личность. Прошу.

Карл сделал приглашающий жест рукой и первым двинулся к «канадским» домикам.

Они прошли ангары, и провожатый взошел на порог дома, возле которого стояли машины.

– Наша контора, – пояснил он, пропуская журналиста впереди себя.

Контора звероводческой фермы оказалась довольно современно оснащена оргтехникой. Мельник увидел компьютер, принтер, ксерокс. На полках щербатыми рядами стояли гроссбухи и папки с бумагами.

За письменным столом из серого пластика сидел черноглазый, плотного телосложения мужчина. Он неотрывно смотрел на гостя, поигрывая в левой руке зажигалкой. После пятисекундного молчания он сухо поздоровался.

– Добрый день, – ответил журналист.

– Его зовут Олег Гаврилов, но он не любит футбол, – подал голос Хейфец.

Хозяин кивнул головой на дверь.

– Ты свободен, Карл.

Хейфец послушно вышел.

– Значит, вы Олег Гаврилов... Мы с вами нигде раньше не встречались? Ваше лицо кажется мне знакомым.

– Вряд ли. – Мельник переминался с ноги на ногу.

Легкая усмешка скривила полные губы хозяина кабинета.

– Садитесь. Называйте меня... Иваном Ивановичем, – предложил он. – И сразу хочу спросить о цели вашего визита. Обычно все встречи я согласовываю по телефону. – Он дотронулся рукой до телефонного аппарата.

– К сожалению, я не знаю номера вашего телефона.

Все так же не сводя глаз с гостя, хозяин открыл ящик стола и протянул журналисту визитную карточку.

Мельник принял визитку и прочитал: «Вениамин Александрович Губенко. Ферма по разведению нутрий». Указан был адрес и телефон.

Журналист вопросительно поглядел на хозяина, представившегося Иваном Ивановичем. Тот понял его взгляд.

– Деловым миром на ферме занимается ее владелец, господин Губенко. Он подписывает счета, договоры и прочие бумаги. А я – хозяйственник, отвечаю за внутренний порядок. Мне визитная карточка ни к чему. У меня ее нет.

Павел положил визитку в нагрудный карман куртки.

– Тогда мне нужны именно вы, – решительно произнес он.

Хозяин поднял брови и скрестил на груди руки.

– Слушаю вас.

– Дело в том, Иван Иванович, что я хочу заняться разведением нутрий и мне нужна консультация.

– Мы – не консультационная фирма, – прозвучал резкий ответ. – Я понимаю так, что в бизнесе вы – новичок.

– Да, вы правы.

– Ладно, – продолжил хозяин, изобразив на лице презрительную гримасу, – допустим, у вас есть деньги, чтобы начать собственное дело. Но хоть какое-то представление о коммерции, о рынке у вас же должно быть? Мы не конкурируем с гигантами пушной промышленности, но ведем довольно жесткую борьбу на арене малых предприятий, занимающихся разведением пушных пород. И вот вы приходите к нам, говорите, что желаете приобщиться к бизнесу в нашей сфере. Одно только это может нас настроить против вас. Но мало того, вы просите консультации. А теперь я хочу спросить вас: вы в своем уме?

Журналист внутренне порадовался. Хозяин сам подвел черту под разговором. Пусть Павел ничего не узнает, но зато уберет отсюда ноги. Положение продолжало оставаться серьезным. Это только слова – о коммерции, рынке, этот Иван Иванович прекрасно понимает, что его неожиданный гость – и не начинающий, и не законченный бизнесмен. Скорее всего законченный болван. Шел спектакль, Иван Иванович играл главную роль, Павел Семенович – роль туманного плана. Играли без сценария, импровизировали, используя слова друг друга как теннисный мяч.

Ясно, что Мельника обнаружили в лесу не случайно, тут не приходилось говорить о бдительности охранников. Вполне вероятно, что Алберт Ли заметил за собой «хвост» – очень приметный, ярко-красный. Но он не мог видеть, что Павел укрыл машину в кустах. Выходит, его заметили на подступах к границе частного владения и предупредили хозяев звонком. Значит, существовал еще один охранный пост.

«Слова о бдительности забираю назад. Так, где он может располагаться?»

За время пути Мельник не заметил ничего подозрительного. Впрочем, его внимание было сконцентрировано на машине Ли, вокруг он ничего не видел. Вот если... Точно! При съезде с шоссе на побочную дорогу находится придорожная закусочная – легкое строение с открытой верандой, просторной площадкой для большегрузных машин; обычно у таких заведений останавливаются дальнбойщики на «КамАЗах». Павел проделал недвусмысленный маневр, дав задний ход и устремляясь вдогонку за машиной доктора. Из закусочной на ферму тут же поступил сигнал: «У нас гости».

Звероферма походила скорее на секретный военный объект, чем на частное предприятие. И связи Алберта Ли на ферме – дружеские или деловые – так или иначе представляли интерес.

Дело становилось все серьезней, а положение журналиста просто угрожающим. Он вспомнил недвусмысленные намеки Хейфеца: «Если это не последний ваш визит, вы обязательно с ним познакомитесь. Гнусная личность». Это он говорил о каком-то Мирзе Батыеве. Мирза Батыев... От этого имени веяло романтикой Горно-Бадахшанской автономии.

«Похоже, я действительно сунул нос далеко, как бы не прищемить его, – подумал журналист. – Но разве я не за этим здесь?... Конечно, нет! Свой нос я никому не дам. Хотя меня об этом не спросят. Закопают где-нибудь, и только господь найдет меня, призывая на страшный суд... Пауза затянулась, и Иван Иванович – если он, конечно, Иван Иванович – ждет продолжения спектакля. Но где же зрители? Я не слышу аплодисментов мистера Ли. Ау-у, где вы, доктор?... Понятно, с дураками он не разговаривает».

Мельник кашлянул в кулак и наивно спросил:

– Значит, я не могу рассчитывать на ваше дружеское расположение?

– У меня нет друзей, – резко ответил хозяин. – И надеюсь, не будет. А рассчитывать вы можете только на свою красную машину.

Журналист улыбнулся. Он был прав, пост на дальних рубежах действительно существовал. Мельник не заметил у Карла радики или сотового телефона. Хозяин кабинета, конечно, вправе предположить, что неожиданный гость прибыл сюда не на своих двоих, но вот угадать цвет машины...

«Путь по обычной дороге мне сюда заказан. Если, конечно, Карл не продырявит мне голову. Я симпатизирую этому парню».

Журналист понимающе кивнул головой и поднялся со стула.

– Я могу позвонить вам?

– Со мной вы уже разговаривали, – отрезал хозяин. – Вы можете позвонить Вениамину Губенко. Всего хорошего.

На выходе Мельника встречал Карл Хейфец. Он доставал из кармана брюк кедровые орешки, разгрызал их и сплевывал скорлупу в бумажный пакетик.

– Как тебе мой патрон? – спросил он, обращаясь к журналисту на «ты». – Крутой нрав у мужика. Ну что, пойдём? – Хейфец вытер ладонью губы и подмигнул Павлу. – У тебя все данные футболиста. Зря не играешь. Мы тут вечерами гоняем мяч. Когда шефа нет, конечно. Мирзе на спине рисуем углем «десятку» – и вперед. Он играет не хуже Гуллита. Знаешь Руута Гуллита?

– Не знаю, – ответил Мельник, идя в ногу с Хейфецом.

– Голландец, – объяснил собеседник. – Только он из Суринама. Представляешь? А Мирза таджик, спустился с Памира за солью, и его забрали в армию. А я – защитник, бью по ногам Мирзе. Все ноги ему избил. Он стал щитки надевать, но бесполезно. Я через щитки пробиваю. Ты точно не хочешь поиграть?

Мельник снова покачал головой, слушая глумливую болтовню собеседника.

– А то приезжай по вечеру, покатаем мячик. В ворота тебя поставим. Мячик умеешь ловить? Нет?..

У Хейфеца была легкая, пружинистая походка – скорее боксера, чем футболиста. Об этом свидетельствовали узкие бедра, плоские ягодицы и хорошо развитые плечи; у футболистов все наоборот: рельефные до безобразия икры и бедра, мощные мышцы ягодиц. При среднем росте вес Хейфеца приближался к восьмидесяти килограммам.

Болтая без умолку, он продолжал улыбаться.

– Как живот, успокоился? Во-он твоя машина, видишь? Не забывай нас, Олег, приезжай.

Мельник вывел машину из укрытия и выехал на грунтовую дорогу. В панорамном зеркале подрагивала складная фигура Хейфеца. Он глядел вслед и грыз орехи.

Павел, бросая взгляды в зеркало заднего вида, боковым зрением увидел кончик технического паспорта на машину Ирины. Он на треть виднелся из-за поднятого солнцезащитного козырька.

– Неаккуратно, – бросил он сквозь зубы, еще раз обругав себя за то, что невольно втянул в эту историю свою бывшую жену. Мало того что он вел наблюдение за кабинетом Ли из типографии Ирины, да еще взял у нее машину. Пока он находился в компании Хейфеца и Ивана Ивановича, машину обыскали. Если этот Иван не узнал его сразу, то очень скоро сделает это, выйдя на Ирину. Даже по номерам машины не так трудно установить владельца, а техпаспорт сводит задачу на нет.

У выезда на шоссе Мельник притормозил. Пропуская грузовик, он поглядывал в сторону закуской. Называлась она весьма оригинально: «СТОП!» Черноволосый лет сорока мужчина в белом фартуке обслуживал троицу молодых людей в «коже» с бесчисленными заклепками,

прислонивших свои мотоциклы к перилам террасы. Прежде чем выехать на дорогу, Павел успел заметить, как хозяин – или официант – внимательно посмотрел в его сторону.

«А ты как хотел? – спросил себя журналист. – Решил, что слежка – это прогулка? Нет, это не ты пас Алберта Ли, это тебя пасли, как глупого барана».

Он резко вдавил педаль газа, и «Вольво» взяла курс в обратном направлении.

Глава 9

Алберт Ли стоял перед окном и, придавив пальцем пластину закрытого жалюзи, смотрел вслед журналисту и Хейфецу. На диване напротив окна сидел элегантный Вениамин Губенко. По виду Губенко тянул как минимум на банкира. Над его черными бровями поработал хороший мастер, прическа – волос к волосу. Вениамин был строен и изящен, с длинными нервными пальцами скрипача. На безымянном пальце левой руки – кольцо с бриллиантом в два карата.

– Идут, как два приятеля, – тихо сказал Ли. – Хейфец что-то говорит ему... Как ты думаешь, Вениамин, о чем они разговаривают?

– У Хейфеца одна тема, – скривился Губенко. – Скорее всего он разоряется по поводу футбола. Кретин!

– А мне нравится Карл, – произнес Ли, поворачиваясь лицом к Губенко. – Самый толковый из команды Белухи. – Прошу тебя, Алберт, не произноси при мне имени этого идиота. Хотя бы сегодня, хорошо?

Идиотом Губенко называл сейчас Андрея Белуху, «чисто хозяйственника» и главу безопасности его ведомства, который представился Мельнику как Иван Иванович.

Губенко, похоже, завелся.

– Я терпеть его больше не могу! Кто глава фирмы – я или он?

– Ты, – подтвердил Ли, присаживаясь на другом конце дивана. – Продолжай, мне нравится, как ты говоришь.

– Тебе все нравится! – вскипел Вениамин. – Ты стал, как девочка: мне нравится Карл, мне нравится, как ты говоришь!.. – Он вновь переключился на Белуху. – Кто кому платит бешеные деньги за безопасность? Хейфец с этим визитером ушли десять минут назад, так, да? Телефон стоит на столе Белухи, он мог бы и позвонить.

– Сейчас он, наверное, размышляет, – попробовал догадаться Ли.

– Ах, он размышляет!.. – Губенко артистично вскинул руки. – Я совсем забыл, что он может размышлять. А ты не думал о том, что Белуха способен размышлять только тогда, когда сидит на стуле?

– Нет, я не думал об этом. – Желтоватое лицо Алберта сохраняло беспристрастность.

– Я тоже. Заметил чисто случайно. Когда он сидит, у него умная морда, но стоит ему встать – идиот идиотом. У его задницы какой-то родственник контакт со стулом. Сейчас он сидит и ждет, когда я сам позвоню или явлюсь перед его очи. – Это нетрудно сделать, – заметил Ли, – и времени много не займет. 10 – 15 секунд.

Вениамин не услышал ироничной реплики экстрасенса.

– Господи, я плачу ему за свою же доброту! Можно сказать, подобрал на улице, когда он отсидел пять лет в тюрьме и оказался один на пыльной дороге. Что он имел тогда? Тюремные ворота за спиной, где его, бывшего мента, имели, наверное, все заключенные, и пригородный автобус перед глазами. А сейчас он сидит и ждет, когда я сам позвоню ему. Я просто с омерзением представляю, как эта горилла небрежно, двумя пальцами снимает трубку и довольно склабится. Идиот!

* * *

В декабре 1982 года во время внеплановой операции был арестован Лео Ревадзе, второй человек криминальной семьи Тимура Двали. Если бы Ревадзе был американцем, да еще арестован у себя на родине, ему, как полагается, объявили бы, что у него есть право на один телефонный звонок. Но Ревадзе был грузином, находился в российском отделении милиции, и ему нужно было сделать не один телефонный звонок, а целых два. Глядя в колючие глазки

вора в законе, старший лейтенант милиции Андрей Белуха, неизвестно чем руководствуясь, разрешил арестованному набрать несколько цифр на диске телефона и равнодушно наблюдал, как Лео, прервав один неположенный разговор, уже говорил по-грузински с другим абонентом.

Ревадзе отпустили в десять часов утра. А еще через сутки лейтенант Белуха обнаружил в «бардачке» своей машины не очень пухлый, надо сказать, конверт. Не нужно было обладать особенной догадливостью, чтобы определить обратный адрес неподписанного конверта. От денег он не отказался.

Слово «имел» играло в жизни Андрея Белухи не последнюю роль и было всегда значимым, не менее, чем встреча с Ревадзе в тихом и неприметном ресторанчике. Сидя за одним столом если не с отцом, то явно с дядей семьи Тимура Двали, Белуха ждал, что от него потребуют какой-нибудь очередной услуги. Но Ревадзе не торопился, спрашивал о здоровье жены, семилетнего сына. И только спустя два месяца, когда на календаре уже был год 1983-й, один из людей Лео встретился с милиционером и попросил что-то совсем незначительное: то ли телефон чей-то, то ли адрес. Белуха понимал, что его проверяют, и сумма в «бардачке» вновь оказалась невнушительной. «Деньги по заслугам», – подумал тогда Андрей и стал ждать более серьезного задания.

А Ревадзе продолжал обрабатывать его временем и зарождающейся алчностью самого Белухи. Где-где, а в грузинских криминальных семьях умели обращаться с людьми. И кто знает, так ли необходим был телефонный звонок Ревадзе для своего освобождения. Даже находясь под стражей, он продолжал работать, искал что-то полезное для себя и своей семьи даже там, где искать было практически нечего.

В 1985 году в «Матросской тишине» был убит один из людей Ревадзе Резо Пипия, фигура незначительная. Его задушили в прогулочном дворике. Он «сломался» на допросе и сдал нескольких людей Ревадзе. Среди них был и Андрей Белуха. Пипия знал, что его ждет, но не представлял, как это будет страшно. Задушили его при помощи нехитрого приспособления из куска короткой, но толстой стальной проволоки и металлической полоски с двумя отверстиями по краям. Два человека крепко держали голову Резо, а третий, накинув ему на шею упругое полукольцо проволоки и вставив концы в отверстия полоски, прочно замотал удавку так, что зацепиться пальцами и раскрутить ее даже при помощи посторонних было невозможно.

Убийцы быстро отошли от жертвы и встали в стороне. Резо упал вначале на колени, затем вскочил на ноги и принялся бегать по периметру дворика. Он вырывал ногтями куски мяса на шее и бегал. Пальцы превратились в кровавые лохмотья, изодранные о слишком короткие концы удавки. Он так и умер – на бегу, упал он уже бездыханный.

А днем раньше на сфабрикованной «липе» попался Андрей Белуха. Операция хоть и носила спешный характер, но отличалась четкой организованностью и профессионализмом. Белухе предъявили обвинения по статье 170-й и осудили на пять лет.

Вениамин Губенко, презрительно размышлявший о задней части тела Белухи, конечно же, ошибался: никто из заключенных ее не имел. Андрей отбывал наказание в спецколонии, и вопли «дайте нам эту девочку!» в его адрес не прозвучали. А в том же 1985 году Ревадзе обвинили в вымогательстве, и он получил десять лет лишения свободы, из которых успел отсидеть только один: в 1987 году он скончался в лагере крытого режима «Белый лебедь», Соликамск. Андрей Белуха, выйдя из ворот колонии, действительно увидел только пыльную дорогу и пожелтевший номер на рейсовом автобусе.

* * *

В 11.47 дверь дома, где находились Вениамин Губенко и Алберт Ли, бесшумно открылась и на пороге предстал Белуха – тучный и гладкий, без пиджака, в полосатой рубашке с

неприлично расстегнутым воротом. Вениамин к этому времени пересел за стол, и глава безопасности опустил тот самый раскормленный зад в кресло.

Вениамин демонстративно посмотрел на золотые часы и внезапно успокоился.

– Ты украл у меня двадцать семь минут, – спокойно сообщил он. – Неужели нельзя было прийти пораньше?

Белуха растянул телесного цвета губы в широкую улыбку и мягко произнес:

– Когда у меня есть такая возможность, я никогда ей не пренебрегаю.

– Ну хорошо, оставим это. Ты, конечно, пока не знаешь этого субъекта.

– Знаю.

– Знаешь?! – Вениамин приподнялся с кресла, подался вперед.

– Вот так – «знаю», и все?! Отлично! Я доволен твоей работой, я узнал все, что хотел.

Не смею больше задерживать тебя. – На Губенко вновь нахлынуло неистовство. Он вскочил с кресла и с размаху бросил тысячедолларовый «Паркер» на пол. – Он сказал «знаю», о господи! Он ждал, что я дернусь в оргазме!

Белуха спокойно ждал, когда босс закончит психовать. Он тоже посмотрел на часы и засек время. Излияния Вениамина длились четыре с половиной минуты. Напоследок Губенко поддел ногой авторучку, и она отлетела к двери.

– Мне можно продолжать? – спросил Белуха.

– Да!!!

Шеф безопасности затрясся от беззвучного смеха. Губенко мелко трясло.

– Перестань ржать, Андрей! И прекрати испытывать мое терпение! Ей-богу, я проклинаю тот день, когда послушал твою сумасшедшую сестру и приперся встречать тебя из тюрьмы.

– Не зарывайся, Веня! – Настроение Белухи резко переменилось. Он сурово сдвинул брови. – Эта сумасшедшая – твоя жена и, как ты правильно сказал, моя сестра.

– Я бы ни за что на свете не женился на ней, если бы знал, что у нее такой... брат.

– Тогда почему бы тебе не подать заявление о разводе? Сегодня же?

Вениамин тяжело засопел носом.

– Вы оба погорячились, – сказал Ли сквозь зубы. Ему надоело слушать эту бестолковую перебранку. – А теперь – ближе к делу. Итак, ты сказал, что знаешь, кто это был. Судя по твоему виду, ничего серьезного, да?

Глава безопасности зверофермы выдержал паузу и негромко выговорил:

– Если честно, то я не знаю имени этого парня. Но в машине нашли технический паспорт на имя Ирины Голубевой. Я без особого труда найду ее, узнаю, где она работает.

– Что тебе это даст? – спросил Алберт. Он на секунду прикрыл глаза, представив свою симпатичную соседку по офису.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.